

18+

ДЖЕННИФЕР АРМЕНТРОУТ

ЛУННОЕ ИСКУШЕНИЕ

Дженнифер Ли Арментроут
Лунное искушение
Серия «Main Street.
Коллекция «Скарлет»»
Серия «Де Винсент», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48932760

Дж. Л. Арментроут. Лунное искушение: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-118268-7

Аннотация

Николетт Бессон никогда не собиралась возвращаться в особняк, где прошло ее детство и где она впервые влюбилась в одного из братьев... Габриеля.

Но когда мама девушки тяжело заболела, Никки не раздумывая приехала в поместье, чтобы принять на себя обязанности экономки. Работа в доме с дурной славой, который молва населила привидениями, не особо пугает Ник, ведь единственный призрак, которого девушке стоит опасаться, – призрак из прошлого...

Последние четыре года Габриель де Винсент провел, коря себя за то, что случилось между ним и Николетт накануне ее

отъезда в колледж. Оттолкнув девушку однажды, Гейб никак не ожидал, что судьба сведет их снова и он встретит молодую, умную и чертовски привлекательную женщину, которая, увы, успела потерять к нему всякий интерес. Теперь Габриель должен сделать все, чтобы не только вернуть расположение Никки, но и уберечь ее от проклятья, которое, как утверждают легенды, настигает женщин в особняке де Винсентов.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	43
Глава 4	57
Глава 5	81
Глава 6	92
Глава 7	105
Глава 8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дженнифер Арментроут

Лунное искушение

Jennifer L. Armentrout

Moonlight Seduction

© 2018 by Jennifer Armentrout

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Это художественное произведение.

Имена, персонажи, места и события – плод воображения автора или переосмыслены художественно и не могут быть истолкованы как реальные. Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями или людьми, живыми или умершими, совершенно случайно.

Тебе, читатель.

Пролог

Шесть лет назад...

Николетт Бессон собиралась *умереть*.

Она всерьез намеревалась утопиться, если братья де Винсент не покинут веранду. Просто держать голову под водой и не всплывать, потому что она ни за что не позволит себе показаться им в новом купальнике.

Нет уж.

Она пристально смотрела поверх бортика бассейна. Существовал неплохой шанс на то, что братья даже не подозревали, что девушка там, поскольку она стояла на коленях на мелководе, прячась как дура.

Что они там вообще делали, тесно столпившись и шепчась? Зная их, можно было предположить, что ничего хорошего де Винсенты не затевали.

Если бы их папочка знал, что они собрались тут во главе с Люцианом, он бы сказал, что они задумали *проделку*.

Девлин – старший из де Винсентов, а Габриель – средний. Люциан – самый младший из братьев – всегда создавал проблемы. *Всегда*. Особенно после того, как умерла их мама, а сестра исчезла. Девлин и Габриель очень похожи на отца, темноволосые и крепкие, но Люциан и его сестра-двойняшка пошли в мать.

Она очень надеялась, что друг Люциана не с ними. Паркер Харрингтон наводил на нее жуть. Он всегда... *пялился* на нее. Что было странно, потому что парень был с ней не особо любезен. Иногда Паркер смотрел на нее так, будто она недостойна даже дышать одним воздухом с ним, а порой – так... Никки передернула плечами, не желая думать об этом.

Она закусила губу, потому что плитка на краю бассейна буквально жгла пальцы. Когда они уже уйдут? Ее мама скоро закончит на кухне, ей придется выбраться из укрытия. Тогда они увидят ее, и Никки *просто умрет*.

Боже, зачем она вообще забралась в этот бассейн? Она даже не умела плавать, но было так жарко, и она сильно вспотела. К тому же ей стало скучно сидеть в одной из многочисленных комнат особняка, не трогая ничего и никуда не выходя, потому что мистер де Винсент был дома.

Глава семейства не любил никакого шума, а Никки могла производить только шум. Много шума. Иногда она так увлеклась, что забывала, где находится. Сидеть спокойно – нет, не так она хотела провести свои летние каникулы. Ух. Они...

Люциан вдруг запрокинул голову, дико расхохотавшись. Звук заставил ее вздрогнуть, она почувствовала, как скривились губы. У Люциана был *самый лучший* смех. Это всегда звучало так, будто через секунду случится нечто безумное... нечто, что, скорее всего, расстроит их отца и заставит ее родителей отечески качать головой.

Что они затевали?

Ее взгляд переместился на Девлина. Он стоял там, пристально глядя на младшего брата с непроницаемым выражением лица. Хотя Гейб ухмылялся и качал головой, пока Люциан размахивал руками как сумасшедший.

Гейб всегда скалился.

Никки невольно задалась вопросом, принес ли ей Гейб какой-нибудь ненужный кусок дерева из своей мастерской. Он уже давненько ничего не приносил, и пальцы у нее зудели от желания опробовать новый набор для резьбы по дереву, который родители подарили на Рождество. Она пока еще училась делать деревянные бусины с дырочкой, чтобы можно было нанизать их на леску и собрать ожерелье или браслет. Никки могла бы спросить Гейба сейчас, но тогда они увидят ее в бассейне, а этого она допустить не могла.

Гейб ни в коем случае не должен увидеть ее в этом купальнике. Кто угодно, но не он.

Медленно шагая по дну бассейна, она была осторожна и тиха, пока глубина становилась больше. Внезапный порыв ветра качнул зонт во внутреннем дворике, и ее окружил аромат роз из сада. Небо начало сереть, и на юге появились свинцовые тучи. Приближалась гроза. *Великолепно.* Возможно, еще не придется топиться: быть может, ей повезет, и ее убьет молнией.

Потому что она не позволить увидеть себя в дурацком, слишком большом цельном купальнике, который мама купила в местном «Кей-марте».

Ни за что.

Де Винсенты были ей как старшие братья. Ну, Гейб и Люциан относились к ней как к сестре. Но не Девлин. Он вел себя так, будто ее не существовало, и ее это вполне устраивало, потому что Дев тоже не любил шума и никогда не улыбался. Вообще никогда.

Хотя Никки только что исполнилось шестнадцать, она не была уверена, как относиться к мальчикам, за исключением того, что большинство из них ее раздражали. Она слышала, как однажды мама говорила папе, что дочь поздно расцветет. Никки закатила глаза. Она не была дурацким растением или чем-то подобным.

Де Винсенты отличались ото всех. Все, кого знала Никки находили их привлекательными. В конце концов, старшая сестра ее лучшей подруги, вероятно, спуталась с Люцианом и теперь была просто одержима им.

Не то чтобы Никки могла в этом признаться, но она всегда считала Гейба *та-а-аким* крутым. Это все из-за волос.

Они у него были длиннее, чем у братьев, и выглядели густыми и мягкими. Глядя на них, ей хотелось странного, например потрогать их. Но Никки сильно сомневалась, что ему это понравится.

Девушка вспыхнула, когда поняла, что пялится на Гейба. Он был одет в джинсы и белую рубашку, но стоял босой, хотя брусчатка под его ногами должна была быть раскаленной.

Она подумала, что у него красивые ноги.

И смех у Гейба тоже был хороший. И улыбка. Та, что заставляла Никки улыбаться в ответ. И он был *добрым*. Он всегда садился и спрашивал, как дела в школе или что она затевает с друзьями. Показал ей, как превратить квадратный брусок дерева в нечто потрясающее. Он был ей другом, несмотря на то что у него наверняка существовала масса более приятных занятий.

Братья отличались друг от друга. Девлин был холоден. Люциан – безумен. А Гейб – просто...

Никки подавила вздох.

Он был просто... ну, *всем*.

Где-то вдалеке она услышала раскаты приближающейся грозы и поняла, что погода испортится быстро, но оставалась в бассейне, приклеившись взглядом к Гейбу.

Он никогда не относился к ней как к человеку второго сорта из-за того, что ее родители прислуживали в особняке, в отличие от некоторых своих невежественных друзей-снобов, что многие годы околачивались в доме. Так к ней относился Паркер, так иногда делал Девлин, когда соизволял ее замечать.

Она знала, что у Гейба были серьезные отношения в колледже, потому что однажды, несколько лет назад на Рождество, он привозил свою подружку домой. Ее звали Эмма, она была красивой и милой, и Никки просто... *ненавидела* ее.

Ну ладно.

Гейб и Эмма уже расстались. Никки улыбнулась себе.

Продолжая красться вдоль бортика, девушка остановилась, почувствовав, что дно резко уходит вниз, так что ей нужно быть осторожнее, если только она не хочет утонуть на самом деле. Так что Никки держалась за край обеими руками, продвигаясь дальше вглубь, ближе к трамплину, которым на ее памяти пользовались только Люциан и Гейб, отважно с него прыгая.

Никки хотела бы так же. Не испытывать страха, словно...

Весь мир полыхнул ярко-белым, когда молния ударила в землю поблизости. Треск грома отразился эхом, и холодок пробежал вдоль позвоночника. Она съежилась, когда небеса разверзлись. Начался ливень, застучав по дворику, окружающему бассейн, и по воде.

Дальше в бассейне оставаться опасно!

Упираясь ногами в боковую стенку, девушка попыталась подтянуться на руках. Она широко распахнула глаза, когда еще одна молния ударила в землю неподалеку.

Именно в тот момент, когда ей удалось закинуть одну тощую ногу на скользкий бортик, братья обернулись.

Гейб сделал шаг вперед из-под навеса веранды.

– Ник!

Она задохнулась, встретившись с ним взглядом. О нет! Она не только была в своем купальнике, но и выглядела словно тонущая кошка, пытающаяся выкарабкаться из воды! Она действительно могла умереть...

Гром разразился снова. Звук был такой, будто небо пада-

ло прямо на нее. Все случилось так быстро: мгновенно ее нога заскользила, а затем Никки поняла, что вода накрыла ее целиком.

От шока она разучилась думать. Застигнутая врасплох девушка не закрыла рот и наглоталась воды, погружаясь на дно, а поверхность бурлила над ней.

Легкие обожгло, и Никки почувствовала, что задыхается. Пытаясь всплыть, она, казалось, лишь погружалась еще глубже. Паника охватила тело. Девушка стукнулась задницей о дно бассейна, удар был мягким, но неприятным.

Зажмурившись, она отчаянно затрясла головой, пока жжение в груди становилось сильнее, распространяясь по телу. Никки чувствовала себя странно.словно тысяча огненных муравьев маршировала по коже, и...

Ее внезапно схватили за руки. Обняли за талию. Девушка почувствовала сильный толчок и затем устремилась прямо вверх. Пробила головой поверхность воды. Дождь барабанил по лицу, но она все равно открыла рот, пытаясь отдышаться, хотя смогла лишь закашляться, отплеываясь водой.

Кто-то протащил ее по воде к бортику, а там вторая пара рук подхватила ее и достала из воды. Никки упала на колени, ее вырвало. Чьи-то руки вновь обхватили талию. Мир перевернулся, когда она почувствовала, как ее несут на веранду. Там девушку осторожно положили и сразу перекатали на бок.

Сильный удар пришелся в спину.

– Давай, Ник. Выплюнь это все. Пусть вода выльется, Ник.

Она узнала голос и поняла, кто это, потому что лишь один человек называл ее *Ник*. Ее тошнило, и с каждым разом вода выплескивалась, будто внутри у нее был целый океан.

– Вот так. – Теперь рука на спине поглаживала ее, а не выбивала воду из легких. – Вот так.

Наконец справившись с дыханием, Никки перекатилась на спину и поняла, что смотрит в глаза цвета глубокого моря, бесконечный сине-зеленый взгляд.

Гейб.

– Ты в порядке? – спросил он, и беспокойство росло в этом прекрасном взгляде с каждой секундой ее молчания. – Ты пугаешь меня, дорогая.

Дорогая?

Никогда раньше он не называл ее «*дорогая*».

Над его плечом склонился Люциан.

– Она головой не ударилась?

Кто-то выругался, заставив ее вздрогнуть.

– Дев, – вздохнул Люциан, оглядываясь через плечо, где, как она догадалась, маячил Девлин.

Гейб все так же пристально смотрел на нее, положив руки на плечи, и она знала, что ей надо сказать что-нибудь, прежде чем они пойдут и приведут ее родителей.

– Я не ударялась головой.

Лицо Гейба расслабилось.

– Слава богу. – Плечи его поникли, и только тогда она

поняла, что его белая рубашка промокла насквозь и липнет к телу, открывая все изгибы его тела. – Ты меня до смерти напугала, Ник.

И тут до нее дошла суть произошедшего. Гейб спас ее.

О боже, он и правда спас ее, иначе она бы утонула!

Он улыбнулся, когда Никки затрясла головой, уронив на лицо мокрые пряди волос.

– Ты в порядке?

Она кивнула, думая, что лучше сесть.

– Ты спас меня.

Улыбка стала шире.

– Теперь я твой герой?

– Да, – прошептала она, а потом кивнула на случай, если он сомневается. Это точно сделало его ее героем.

Гейб хохотнул.

– Боже, – проворчал Девлин, выдвигаясь в поле зрения и скрещивая руки на груди, – последнее, что нам нужно, – это чтобы она утопилась в этом проклятом бассейне. Что ты вообще там делала? Это не твой бассейн и не твой дом, чтобы устраивать из него чертову игровую площадку.

Ее глаза распахнулись. Слезы встали комом в горле, когда она снова сжалась на горячем камне. Он расскажет *своему* отцу. После этого на ее родителей накричат.

Гейб резко обернулся.

– Девлин.

– Маленькая дура даже не умеет плавать, – огрызнулся

тот, и против собственной воли Никки почувствовала, как подступают слезы. Она не дура, но он был прав. Она даже не умела плавать. – Боже, – пробормотал он, – Ливи и Ричард будут знать, как позволять паршивке слоняться тут, когда отец...

– Хватит! Я серьезно! – Гейб повернулся к старшему брату. – Это был несчастный случай. Все кончилось. Ник в порядке. Так что заткнись и иди уже отсюда. Неважно, куда, лишь бы подальше.

Брови Люциана взмыли вверх, и стало похоже, что он готов расхохотаться, тогда как у Никки перехватило дыхание. Она никогда, *никогда* не слышала, чтобы Гейб так разговаривал с Девлином.

Никто не разговаривал так с ним.

Гейб снова обернулся к ней, плечи его были напряжены. – Полагаю, мне придется научить тебя плавать, не так ли? *Это* случилось.

Прямо тут и сейчас, *это* случилось.

Николетт Бессон влюбилась без памяти, и в самой глубине своего сердца она знала, что однажды выйдет за Габриеля де Винсента и они будут жить долго и счастливо.

Она будет его.

Потому что он – уже ее.

Глава 1

Шесть лет спустя...

Габриелю де Винсенту понадобился весь самоконтроль, чтобы отступить и ничего не сделать. Просто стоять и смотреть, как его уводят, но он должен позволить этому случиться, потому что обещал, а Гейб старался быть человеком слова.

Иногда ему не удавалось, и это мучило его ночами, но он ничего не мог с этим поделать.

Он обещал им три непрерывных месяца. И собирался сдержать слово.

Гейб крепко, до боли стиснул зубы, когда Ротшильды вернулись в ресторан. Он не сводил с них взгляда до тех пор, пока те не скрылись. Лишь тогда мужчина взглянул на лист бумаги.

Глядя на рисунок щенка на куске синей строительной бумаги, он испытывал худшую смесь эмоций. Печаль. Гордость. Беспомощность. Надежду. Ярость, какую никогда не испытывал раньше. Гейб понятия не имел, как один человек может чувствовать все это разом, но он чувствовал.

Кривая улыбка тронула его губы. Это был определенно талантливый рисунок. Настоящее мастерство. Сноровка де Винсентов в искусстве, очевидно, давала о себе знать.

Его взгляд скользнул по надписи крупным почерком. Он уже трижды перечитал ее и не мог вынести четвертого раза. Не сейчас. Мужчина не хотел сворачивать бумагу, чтобы не появилось загибов, так что осторожно понес ее туда, где припарковался.

– Габриель де Винсент.

Нахмурившись при звуках смутно знакомого голоса, он развернулся. Мужчина вышел из-за грузовика. Темные квадратные солнцезащитные очки закрывали половину лица, но Гейб узнал его.

Он вздохнул.

– Росс Хайд, чем обязан честью видеть тебя в Батон Руж?

Репортер «Адвоката» выдал то, что, по предположению Гейба, могло считаться фирменной ухмылкой того рода, которая должна была открывать ему доступ в любые места.

– Головной офис тут. Ты знаешь это.

– Да, но ты работаешь в офисе в Новом Орлеане, Росс.

Он пожал плечами, подходя к Гейбу.

– Мне нужно было подскочить в головной офис. Дошли слухи, что де Винсенты в городе.

– Ага, – Гейб не поверил в это ни на секунду, – и ты случайно услышал, что я буду в этом ресторане?

Его улыбка стала чуть шире, когда он провел рукой по своим светлым волосам.

– Не-а. Мне просто повезло натолкнуться на тебя.

«Дерьмо». Росс около двух месяцев вынюхивал все о его

семье, пытаясь добраться до кого-нибудь, когда они выезжали на ужин или мероприятие, и появлялся каждый раз там, где были они. Но дома, в Новом Орлеане, Росс не мог приблизиться к ним так просто, не мог подобраться к тому, с кем действительно хотел поговорить, к старшему брату Гейба.

Не требовалось большого ума, чтобы понять, что происходит. Каким-то образом Росс узнал, что Гейб здесь, поэтому *случайно* очутился тут. Обычно он терпимо относился к бесконечным расспросам Росса. Черт побери, он вроде как симпатизировал этому парню, ценил его решимость, но не тогда, когда тот ошивался в паре шагов от него, в то время как сам он занимался делами, которые не хотел предавать огласке.

Опустив солнцезащитные очки, Росс осмотрел машину Гейба.

– Славная тачка. Новый «порше 911»?

Гейб вскинул брови.

– Должно быть, семейный бизнес идет неплохо. С другой стороны, семейный бизнес всегда идет неплохо, не так ли? Де Винсенты – старые богачи. Избранные среди *избранных*.

Семья Гейба была из старейших, и история ее тянулась от тех дней, когда был создан великий штат Луизиана. Сегодня они владели самыми прибыльными нефтеперерабатывающими заводами в Заливе, им принадлежала недвижимость по всему миру, а также технологические конторы, ну а когда его старший брат женится, они станут контролировать одну

из крупнейших судоходных компаний в мире. Де Винсенты были богаты, но машину и почти все, чем владел Гейб, он купил на деньги, которые заработал сам, а не на те, что достались ему *по праву рождения*.

– Некоторые говорят, что у вашей семьи столько денег, что де Винсенты стоят над законом. – Росс поправил свои солнцезащитные очки. – Похоже, что это правда.

У Гейба и впрямь не было на это времени.

– Что бы ты ни хотел сказать, можешь перестать уже ходить вокруг да около и приступить к делу? Я планирую на-конец уже поехать домой.

Улыбка репортера померкла.

– Поскольку мы оба тут, а в любое другое время поговорить с вами чертовски трудно, хочу поболтать о смерти вашего отца.

– Уверен, хотите.

– Я не верю, что это было самоубийство, – продолжил Росс. – И мне кажется также удобным, что шеф Кобс, который так открыто и громко требовал, чтобы смерть вашего отца расследовали как убийство, погиб в автокатастрофе.

– Неужели?

– И это все, что вы можете мне сказать? – Разочарование в голосе Росса гудело словно чертова саранча.

– Этого более чем достаточно, – ухмыльнулся Гейб. – Могу добавить, что у тебя слишком богатое воображение, но ты это наверняка уже слышал.

– Не думаю, что мое воображение достаточно богато, чтобы соперничать со всем тем, к чему приложили руку де Винсенты.

Вероятно, нет.

– Окей, я не буду спрашивать вас об отце или шефе. – Росс мялся, пока Гейб открывал дверцу машины. – Еще я слышал некоторые любопытные слухи о каких-то новых слугах, появившихся в доме де Винсентов.

– У меня складывается впечатление, будто вы преследуете нас. – Гейб положил рисунок лицом вниз на пассажирское сиденье. – Если хочешь поговорить о слугах, тебе лучше обратиться к Деву.

– Девлин не выкроит время, чтобы встретиться со мной.

– Похоже, это не моя проблема.

– А похоже, что теперь ваша.

Гейб засмеялся, но смех прозвучал неискренне. Он потянулся внутрь кабины и взял очки с солнцезащитного козырька.

– Поверьте мне, Росс, это не моя проблема.

– Может, сейчас вы так и не считаете, но все изменится. – Щека мужчины дернулась. – Я намерен сорвать покровы с каждой проклятой тайны, которую де Винсенты хранили годами. Я собираюсь сделать такую историю, которую даже твоя семья не сможет замять.

Качая головой, Гейб надел очки.

– Вы мне нравитесь, Росс. Вы знаете, у меня никогда не

было с вами проблем. Так что я просто хочу избавиться от всего этого. Но вам стоит придумать что-нибудь получше, потому что это ужасно банально. — Он положил ладонь на дверцу машины. — Вам стоит знать, что вы не первый репортер, который приходит, считая, что сможет вытряхнуть все скелеты из наших шкафов и разоблачить, что вы там хотите разоблачить. И вы будете не последним, кому ничего не удастся.

— Мне всегда все удастся, — ответил Росс. — Всегда.

— Все когда-нибудь проигрывают.

Гейб сел за руль.

— Кроме де Винсентов?

— Это вы сказали, не я. — Гейб поднял взгляд на репортера. — Хотите один непрошенный совет? Я бы нашел другую историю для расследования.

— Вы случайно не советуете мне быть осторожнее? — В его голосе звучало странное ликование. — Предупреждаете потому, что люди, которые встают на дороге де Винсентов, пропадают или что похуже?

Гейб ухмыльнулся и повернул ключ зажигания.

— Кажется, нет необходимости говорить вам это. Похоже, вы и сами все знаете.

* * *

Никки стояла в центре тихой и стерильной кухни в особ-

няке де Винсентов, говоря себе, что она уже не та маленькая идиотка, которая чуть не утопилась в бассейне шесть лет назад.

И уж точно она не была той девчонкой, которая годами выставляла себя полной дурой, гоняясь за взрослым мужчиной. Поступок, приведший к одной из худших идей в ее жизни.

Никки в своей жизни приняла целый ряд не самых блестящих решений. Отец говорил, что в ней есть что-то дикое, что дочь пошла в бабулю, но она предпочитала обвинять в своем сумасбродстве де Винсентов. У них был действительно странный талант заставлять всех вокруг вытворять безрассудные вещи.

Ее мать заявляла, что большинство неудачных решений Никки проистекает оттого, что у нее *доброе сердце*.

У девушки была привычка подбирать бездомных и больных кошек, собак, ящериц – тут и там, даже змей, и людей тоже. Она обладала отзывчивым сердцем и ненавидела, когда страдал кто-то, кто был ей дорог, и очень часто ее волновали проблемы незнакомцев.

Вот почему на праздники Никки избегала смотреть телевизор: там всегда крутили разрывающие сердце видео о замерзающих животных или голодающих детях в раздираемых войной странах. Из-за этого она ненавидела канун Нового года и проводила неделю между Рождеством и первым января, слоняясь без дела.

В Никки все еще сохранилось многое от той, кем она была, когда последний раз бродила по этому дому. Она все еще переживала за бездомных животных, поэтому работала волонтером в местном приюте. По-прежнему не могла отвернуться от тех, кто нуждался в помощи, и все еще попадала в нелепые ситуации.

Но безрассудства в ней поубавилось.

С тех пор как она в последний раз была в этом доме перед отъездом в колледж, прошло четыре года. Теперь она вернулась, а тут изменилось все и не изменилось ничего одновременно.

– С тобой все в порядке, дорогая? – спросил папа.

Вопрос вырвал ее из потока собственных мыслей, и она обернулась к отцу, стоящему посреди большой кухни. Боже, папа постарел, и это напугало ее. Никки была поздним ребенком, ей всего двадцать два, и следующие лет пятьдесят своей жизни она хотела бы провести с ними. Девушка знала, что это невозможно. Но прогнала из головы эти мысли.

– Да. Просто... странно быть тут после такого долгого отсутствия. Кухня стала другой.

– Ее переделали несколько лет назад, – ответил он. Похоже, реновировали весь особняк. В конце концов, сколько раз с момента постройки этот дом горел? Никки потеряла счет. Ее отец глубоко вздохнул – четче обозначились морщины у рта. Он казался таким усталым.

– Не знаю, говорил я тебе или нет, но спасибо.

Она отмахнулась.

– Не нужно благодарить меня, па.

– Нет, нужно. – Он подошел к ней. – Ты поступила в колледж, чтобы добиться чего-то большего, чем быть прислугой.

Обидевшись за него, Никки сложила руки на груди и встретила его усталый взгляд.

– Нет ничего плохого в том, чтобы готовить обеды и вести хозяйство. Это хорошая, честная работа, благодаря которой я попала в колледж. Верно, па?

– Мы очень гордимся своим местом. Не пойми меня неправильно, но мы с матерью приложили все усилия, чтобы ты занималась чем-нибудь другим. – Он вздохнул. – Поэтому то, что ты приехала помочь, значит для нас очень много, Николетт.

Только мама и папа звали ее полным именем. Все остальные называли ее Никки. Все, кроме одного де Винсента, которого она даже вспоминать не хочет. Только он называл ее Ник.

С тех самых пор, как она родилась, родители работали у де Винсентов, одной из самых обеспеченных семей в Штатах и, вероятно, в мире. Было странно расти в этом доме, наблюдать многие необычные события, о которых широкая общественность не имела никакого понятия, но, вероятно, заплатила бы неплохие деньги, чтобы узнать о них. Сама же Никки, казалось, зависла где-то между двумя мирами: пер-

вый был до неприличия обеспечен, а второй воплощал собой обычный рабочий класс.

Отец девушки служил простым дворецким, только ей всегда казалось, что он решал дела де Винсентов как заправский управляющий. Мать Никки вела хозяйство и готовила еду. Родителям нравилось работать на эту семью, и она знала, что они планировали прослужить де Винсентам до самой смерти, но ее мама...

Сердце Никки болезненно сжалось. Маме нездоровилось, и все произошло так быстро, возникло просто из ниоткуда. Ужасающее слово на букву «Р».

– Честно говоря, это идеально. Я получила степень, и теперь у меня будет время решить, что делать дальше. – Иными словами, решить, что, черт возьми, она хочет сделать со своей жизнью на самом деле. Начать работать или продолжить учиться на магистра? Никки все еще не была уверена. – И я хочу оставаться тут, пока мама проходит через все это.

– Знаю. – Улыбка отца чуть дрогнула, когда он убрал с лица дочери прядь каштановых волос. – Мы могли бы нанять кого-нибудь другого, пока твоя мать...

– Нет, не могли бы. – Она рассмеялась при одной мысли об этом. – Я знаю, какие странные эти де Винсенты. Помню, как сильно вы их защищаете. Понимаю, что нужно держать рот на замке, и умею закрывать глаза на то, чего не должно видеть. Вам не стоит переживать еще по поводу кого-то новенького, который слишком много болтает или подмечает

лишнее.

Ее отец выгнул бровь.

– Многое переменялось, дорогая.

Никки фыркнула, оглядывая белые мраморные столешницы с серыми прожилками. Во время одной из химиотерапий мама посвятила ее в подробности некоторых *перемен*. В конце концов, о чем еще им было говорить, пока маму накачивали ядом, который, как надеялась Никки, убьет и раковые клетки, растущие в ее легких?

Сначала глава семьи, Лоуренс де Винсент, повесился несколько месяцев назад. Поступок, который потряс ее, потому что ей казалось, что этот человек переживет даже атомный взрыв. А у Люциана де Винсента, похоже, появилась подружка, и они собирались переехать в собственный дом. Мысль о том, что этот ходок наконец-то остепенился, казалась еще более безумной.

Люциан, которого она знала, во всем искал забаву. Он был неисправимым ловеласом и оставлял за собой череду разбитых сердец по всему штату Луизиана и за его пределами.

Она не видела его подружку, потому что они уехали в какое-то путешествие: богатые люди, кажется, редко живут по расписанию. Девушка лишь надеялась, что, кем бы ни оказалась его избранница, она будет славной и не похожей на невесту Девлина.

Никки, может, и не появлялась у де Винсентов четыре года, но помнила Сабрину Харрингтон и ее брата Паркера.

Сабрина начала встречаться с Девлином за год до того, как Никки уехала в колледж, и это был целый год ехидных комментариев и довольно обидных презрительных взглядов. Но с Сабриной можно справиться. Если она осталась прежней, то в своей злости могла посоперничать с гремучей змеей, но обычно Никки на таких людей даже не обращала внимания.

Но Паркер.

Никки подавила дрожь, не желая тревожить отца, который следил за ней словно ястреб. Этот парень часто пялился на нее так, как она хотела бы, чтобы на нее смотрел Гейб, особенно когда отважилась сменить закрытый купальник на раздельный.

Паркер не только смотрел на нее...

Она глубоко вздохнула. Не стоит думать о нем, он недо-стоин даже упоминания.

Но то, что случилось с Лоуренсом, и новый роман Люциана были не единственным, о чем рассказала ей мама. Она посвятила Никки в историю появления и последующего исчезновения сестры Люциана. Мама не знала всех подробностей, но Никки догадалась, что история наверняка получилась очень драматичной, в манере де Винсентов.

И она понимала, что об этом лучше не спрашивать.

Отец продолжал.

– Все мальчики разъехались.

«Слава Богу и младенцу Иисусу».

– Девлин должен вернуться сегодня к вечеру. Он любит,

чтобы ужин был готов в шесть. Думаю, мисс Харрингтон приедет с ним.

Благодарности Богу и младенцу Иисусу хватило всего на пять секунд. Она подавила порыв закатить глаза и хмыкнуть.

– Окей.

– Габриель все еще в Батон Руж, по крайней мере, мне так сказали, – продолжил отец, посвящая ее в расписание братьев, пока Никки гадала, что Гейб там делает. Не то чтобы это ее сильно волновало, но она невольно задавалась вопросом, не связана ли поездка с его столярным делом.

У него были золотые руки.

Действительно золотые. Щеки вспыхнули, когда она вспомнила, как пронзало насквозь прикосновение его мохолистых ладоней. Нет. Об этом она думать не собирается. Точно нет.

По всему дому стояли образцы работ Гейба: мебель, спинки стульев, отделка на кухне. Он приложил руку ко многим деревянным изделиям в особняке. В детстве ее завораживала мысль о том, чтобы взять кусок дерева и превратить его в настоящее произведение искусства. Это увлечение стало для Никки отдушиной. Все началось в один долгий осенний день. Никки уже исполнилось десять. Однажды она нашла Гейба на кухне, строгающего деревяшку. Со скуки девчушка попросила его показать, как он это делает. Вместо того чтобы прогнать ее, парень дал ей небольшие кусочки дерева и объяснил, как пользоваться стамеской.

Она достигла в этом определенного мастерства, но не бралась за инструмент более четырех лет.

Никки вновь сфокусировалась на том, что говорил ей отец.

– Сейчас нам немного не хватает работников. Так что в ближайшем будущем тебе придется вытирать много пыли. Девлин очень похож на своего отца.

«Великолепно».

В ее понимании это был не комплимент.

– Это призраки, – девушка отшутилась, – распугали весь персонал? – Отец бросил на нее укоризненный взгляд, но она совершенно точно знала, что родители верят, будто дом населен привидениями. Черт побери, они даже не решались приходить сюда ночью без крайней необходимости. Никто из слуг не остался бы тут ночевать, и весь город знал легенды о земле, на которой стоял особняк де Винсентов. Да и кто хоть раз не слышал о проклятии этого рода?

Она, конечно, тоже замечала некоторые необычные вещи и слышала посторонние звуки, которые невозможно объяснить. К тому же Никки выросла в нескольких минутах езды от Нового Орлеана. Она была верующей, но в отличие от своей подруги Розы, с которой познакомилась в колледже, не слишком увлекалась всякой паранормальной ерундой. Девушка руководствовалась теорией «пока ты не веришь в призраков, они не трогают тебя», и до сих пор это прекрасно работало.

Она приходила сюда ночью всего однажды, и кончилось это не очень хорошо. Так что, может быть, ее тактика игнорировать призраков не так уж и безупречна, поскольку ей нравилось думать, что в ту ночь она была одержима одним из духов, что слонялись по залам, и потому сделала то, что сделала.

Никки прекрасно знала, как следить за этим домом, потому что большую часть своих летних каникул проводила у мамы, поэтому, как только отец привозил ее, девочке тут же находилась работа.

Прежде всего следовало выяснить, что за персонал остался в доме. «Недоукомплектованы, черт побери!» Все оставшиеся в особняке слуги – ее отец, садовник, который, казалось, постоянно косил траву или орудовал тяпкой, водитель де Винсентов и миссис Нили, пожилая женщина, которая занималась стиркой с тех пор, как Никки была маленькой девочкой.

На самом деле Беверли Нили владела собственной прачечной, и она появлялась в доме всего три раза в неделю, чтобы позаботиться о белье и об одежде.

По словам Бев, которую она нашла в большой прихожей в задней части дома, где та упаковывала одежду для химчистки, за последние два месяца уволились почти все.

– Дайте разобраться. – Никки пригладила несколько прядей, выбившихся из хвоста на макушке. – Уволились официанты и горничные?

Пышная грудь Бев вздымалась, когда она говорила.

– Последние три месяца тут оставались только твои родители. Думаю, вся эта работа утомила бедную Ливи.

Никки почувствовала вспышку гнева. Разве де Винсенты не замечали, какой худой и уставшей выглядела мать, как быстро она выдыхалась?

– Почему де Винсенты не наняли никого в помощь?

– Твой отец пытался, но никто в округе не хотел и близко подходить к этому месту, только не после того, что случилось.

Она нахмурилась.

– Вы о Лоуренсе? О том, что он сделал?

Бев затянула узлы.

– Уже немало, но не это стало соломинкой, что переломило спину верблюда.

Никки понятия не имела, о чем речь.

– Прошу прощения. Кажется, меня не уведомили обо всех безумствах. Что еще стряслось?

Оглядев комнату, Бев вскинула брови и направилась к задней двери.

– У стен есть уши. Если хочешь знать, что тут случилось, спроси отца или одного из мальчиков.

Она поджала губы. *Мальчиков* она точно не станет спрашивать.

Бев задержалась у двери и оглянулась.

– Не думаю, что Девлин обрадуется, когда увидит, в чем

ты ходишь.

– А что не так с моей одеждой? – На Никки были джинсы и черная футболка. Она ни за что не станет одеваться как мама или отец. Ее желание помочь родителям не столь сильно, чтобы надеть униформу.

Она осмотрела себя и увидела дыру как раз под коленом. Девушка вздохнула.

Девлину, вероятно, и вправду не понравится дыра, но хотелось бы знать, что за чертовщина случилась тут, что все слуги сбежали.

Наверняка что-то выдающееся.

Не оттого, что де Винсенты платили необыкновенно много, но и потому, что отец ничего ей не сказал.

А это означало, что случилось нечто действительно плохое.

Глава 2

Около часа пополудни Никки заканчивала уборку в гостиной, расположенной рядом с кабинетом на первом этаже. Она протирала от пыли стулья, которые на самом деле не очень-то и нуждались в этом, когда почувствовала покалывание в затылке. Промокнув пот на лбу, девушка встала и обернулась.

В дверях стоял Девлин де Винсент.

Его появление напугало настолько, что она чуть не выронила тряпку. Отступив назад, Никки наткнулась на тяжелую тумбу в викторианском стиле.

Боже.

За эти годы девушка видела много его фотографий в желтой прессе, но они не встречались лично.

Он так походил на своего отца, что по спине у нее пробежал холодок. Темные волосы подстрижены коротко и аккуратно уложены. Холодно красивый и совершенно отстраненный, он был одет так, будто явился с важной деловой встречи – в брюки и рубашку, застегнутую на верхнюю пуговицу, хотя стоял сентябрь и все еще было дьявольски жарко.

В детстве она побаивалась старшего из братьев де Винсент. Сейчас ему, наверное, где-то около сорока.

Да и Никки уже не ребенок.

Оценивающий взгляд Девлина скользнул по девушке, и

она почувствовала себя предметом мебели, владелец которого сомневался, то ли сохранить его, то ли засунуть на чердак, подальше от глаз важных и влиятельных людей.

– Здравствуй, Никки, давно не виделись.

Вцепившись в тряпку, она заставила себя непринужденно улыбнуться.

– Привет, Дев.

То ли удивление, то ли раздражение промелькнуло на его лице, когда Никки использовала сокращенную версию его имени. С Девлином никогда нельзя было быть уверенной.

– Спасибо, что приехала и осталась помогать, пока твоей мамы нет, – сказал он безразличным тоном. – Надеюсь, она поправится.

– Она держится.

– Твоя мама – очень сильная женщина. Если кто и может справиться с этим, так это она.

Это, вероятно, была самая милая фраза, какую она когда-либо слышала от Девлина.

Он снова скользнул по ней взглядом.

– Знаю, ты долго отсутствовала, училась в колледже и все такое, но уверен, помнишь, что наши работники носят униформу, а не рваные, поношенные джинсы?

Наконец-то он все испортил, выступив в роли Капитана Придурка де Винсента, чьи слова звучали так, словно ему восемьдесят, а не сорок.

Никки замерла.

– На самом деле они не поношенные.

– Ты их такими и купила? – На его лице появилась надменная ухмылка. – Возможно, тебе стоит потребовать деньги назад.

Она поджала губы, подавив порыв показать ему средний палец.

– Мне жаль. Меня не предупредили, что я должна носить униформу.

Это была неправда, но какого черта.

Он склонил голову набок, как всегда делал его отец.

– Понятно. Тогда, возможно, ты найдешь в своем гардеробе что-нибудь, что не выглядело бы так, будто мы платим своим работникам гроши? Ведь ты получаешь жалованье, а не занимаешься этим бесплатно.

Она глубоко вздохнула. Может, дом и изменился немного, а Люциан уже не ловелас, но Девлин остался прежним.

– Уверена, что смогу найти что-нибудь, что удовлетворит вас.

И вот снова. Проблеск эмоции, который пропал раньше, чем Никки успела хотя бы понять, что это было.

Внезапно Девлин очутился всего в паре футов от нее. Ее глаза чуть распахнулись. Как, черт возьми, он мог двигаться так быстро и так тихо?

Он что, призрак?

Скорее, дьявол. В конце концов, так его звали в желтой прессе. «Дьявол».

Стоя перед Девлином, Никки едва доставала ему до плеча, поэтому не могла не испугаться, когда мужчина навис над ней.

– Мне кажется или ты дерзишь, Николетт?

О боже.

Мысленно проклиная себя и Девлина, она родила самую широкую улыбку в своей жизни.

– Надеюсь, нет. Я говорила серьезно. У меня есть брюки получше. *Уверена*, они вам понравятся.

Он впился в нее взглядом.

– Рад слышать.

Окей. Хотя это прозвучало совсем не радостно.

Он склонил подбородок, и она почувствовала, как встали дыбом волоски по всему телу.

– Мне бы очень не хотелось обсуждать эту дерзость с твоим отцом.

Никки тоже не хотелось.

– Помнишь, что случилось в последний раз? *Единственный* раз? – спросил он.

– Да.

О, она помнила. Ей было семнадцать, и она забралась в бар выпить адски дорогого скотча, пока мама не видит: все, чтобы доказать, что она уже не маленькая девочка. Оглядываясь назад, Никки понимала, что на самом деле совершила ребяческий поступок, но дело было даже не в этом. Она послала Девлина, когда он приказал ей прекратить преследо-

вать Гейба, словно «потерявшийся некормленный щенок».

Он так это и сказал.

— Помню. — Широкая улыбка сползла с ее лица. — В свою защиту могу сказать, что была немного пьяна и не вполне отвечала за свои действия.

Девлин изогнул темную бровь.

Ее плечи напряглись.

— К тому же я не преследовала вашего брата, так что даже немного обиделась.

— Ты прилипла к моему брату как банный лист, понятия не имея, почему взрослому мужчине неинтересна девочка-подросток.

Вот дерьмо, он правда только что сказал это и попал в самую точку.

— Я... — Никки понятия не имела, что ответить, потому что он оказался прав.

С тех самых пор, как Гейб вытащил ее из бассейна и защитил от Девлина, она каждую свободную минуту буквально преследовала его, пытаясь привлечь внимание. По какой-то дурацкой причине в то время она не замечала их разницы в возрасте, которая играла такую огромную роль.

Боже, это выглядело по-идиотски.

Она совершенно помешалась, не понимая, что разница в возрасте играла очень, *очень* большое значение. Ему было *двадцать шесть*, когда он вытащил ее из бассейна. На десять лет старше нее, взрослый мужчина, а ей едва исполни-

лось шестнадцать. Отвратительно. Но юный, переполненный гормонами подростковый мозг Никки считал что, как только девушке исполнится восемнадцать, Гейб влюбится в нее по уши.

Откровенно говоря, Гейб никогда не давал Никки повода думать, будто относится к ней как-то по-особенному, но она была юной, глупенькой... и влюбилась первый раз в жизни.

– Я могу говорить с тобой откровенно, Никки?

Она моргнула.

– Конечно.

– Меня совсем не обрадовала мысль, что ты заступишь на место матери, пока ей не станет лучше.

Вау. И что ей ответить на это? «Спасибо»?

– Твой отъезд в колледж стал лучшим решением, которое ты приняла, потому что если бы осталась здесь, то попала бы в большую беду. – Он помедлил. – Или мой брат.

На самом деле она уехала после того, как *это* случилось. Она почувствовала, что ее щеки пылают.

Девлин опустил подбородок.

– Очень надеюсь, что ты не начнешь с того, на чем остановилась.

Во рту у Никки пересохло, а сердце тревожно сжалось.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Нет, ты знаешь, что это неправда. – Его голос звучал обманчиво тихо. – С того момента, как начала испытывать интерес к мальчикам, ты скакала вокруг этого дома всякий

раз, как Гейб оказывался рядом.

Она готова была со стыда сгореть, потому что Дев говорил правду. Девчонкой Никки делала буквально все, чтобы привлечь внимание Гейба. Иногда это срабатывало. Но чаще всего – нет.

– А как же уроки плавания? – продолжал он, к ее великому ужасу. Это были не те воспоминания, в которые она хотела бы погрузиться. Она пока даже не набралась храбрости хотя бы *посмотреть* на бассейн. – Все шло не так плохо, пока у тебя было тело подростка.

«О боже!»

– Но чем старше ты становилась, тем более открытые купальники надевала. – Его лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций. – Так или иначе, но мы все это замечали.

Внезапно она вновь почувствовала себя той шестнадцатилетней девочкой, которая хотела утопиться в бассейне.

– Я была подростком, Девлин.

– Сколько тебе сейчас, двадцать? – Он не ошибся. – Не настолько уж ты и старше. Все та же девчонка, хоть и достигшая возраста согласия.

Сложив руки на груди, чтобы сдержаться и не швырнуть ему в лицо тряпку, Никки сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем убедилась, что не станет ругаться.

– Я больше не тинейджер, сохнувший по взрослому парню. Поверьте мне.

– Но я не верю.

Несколько мгновений Никки просто смотрела на него, даже не зная, что возразить.

– Не понимаю, что вы хотите от меня услышать. – Она действительно не понимала. – Я приехала сюда не ради Гейба, а чтобы помочь родителям. Если мое пребывание здесь грозит стать такой огромной проблемой, тогда вам нужно нанять кого-нибудь другого. Уверена, мой отец поймет.

Девлин немного помолчал.

– Ты знаешь, как тут все устроено. Знаешь, чего от тебя ждут.

– Да. – Девушка страстно желала, чтобы щеки ее перестали гореть и этот разговор наконец кончился.

Старший де Винсент пристально смотрел на нее.

– Последнее, что моему брату сейчас нужно, – еще одна сложность.

Еще одна сложность? Внутри у нее все оборвалось.

– О чем вы? С ним что-то случилось?

Очевидно, ей не следовало это спрашивать, потому что Девлин прищурился. Никки не жалела, что задала этот вопрос, хотя чувствовала себя полной дурой всякий раз, когда думала о Гейбе, и не сильно жаждала встречи с ним, но все-таки он был ей небезразличен.

Да и как можно не переживать о нем?

Гейб был и всегда будет полностью недостижим для нее, но они дружили когда-то. Он уважал ее, несмотря на разницу в возрасте. Гейб был добр к ней и даже приносил ей смузи,

всякий раз удивляя новыми вкусами. Какие-то готовил сам, другие покупал в ее любимом магазине по дороге из города, если знал, что Никки дома. И не раз приходил ей на помощь.

Но она все разрушила, поэтому Девлину не стоило беспокоиться о ее планах насчет Гейба. Он совсем ей не обрадуется, и девушка сделает все от нее зависящее, чтобы избежать его.

– Надеюсь, мы достигли взаимопонимания, – сказал Девлин, не ответив на ее вопрос.

– Да.

– Приятно слышать.

Никки медленно кивнула, изо всех сил надеясь, что этот адски неловкий разговор закончился и она сможет уединиться, чтобы поругать себя за все прошлые прегрешения.

– Дев, – раздался голос из коридора, – где ты, черт тебя побери?

Сердце замерло у нее в груди, когда она услышала этот голос. Нет. О, младенец Иисус, *только не это*.

– Легко на помине, – пробормотал Девлин сквозь зубы. Он закатил глаза к потолку, пока Никки пыталась дышать глубоко, чтобы ненароком не упасть в обморок. – Гейб, не знал, что ты приедешь сегодня.

– Планы поменялись. – Голос приближался.

Никки оглядывалась в поисках укрытия. Если броситься под диван с высокими ножками, это будет выглядеть странно? Определенно будет! Но она не готова встретиться с Гей-

бом.

Только не после этого разговора.

Но поздно! Прятаться просто некуда, а Девлин развернулся, загородив от нее своим широким торсом дверной проем. Никки зажмурилась.

«Я справлюсь. Это не так уж сложно. Я уже не девочка-подросток». Самовнушение не сработало.

– Что ты тут делаешь? – спросил Гейб, и его голос прозвучал точно так же, как раньше: глубоко, плавно, с легким акцентом. – О, у тебя гости. – Он нервно хохотнул. – Прошу прощения за вторжение.

Она чуть не рассмеялась при мысли о том, что между ними с Девлином может что-то быть, но ей удалось сдержаться, потому что это, вероятно, прозвучало бы слишком невежливо.

– Да, у меня компания. – Девлин отошел в сторону. Никки ничего не видела, потому что все еще стояла зажмурившись, но почувствовала, что он подвинулся.

Тишина и последовавший за ней взглас:

– Вот дерьмо.

Глава 3

Распахнув глаза и увидев Гейба, Никки тут же пожалела.

Прошла вечность с тех пор, как она в последний раз позволила себе разглядывать его фото. Возможно, стоило делать это чаще, потому что тогда у нее не появилось бы желания броситься на него словно бешеный кролик и одновременно убежать из комнаты.

Она не могла отвести от него взгляд.

Боже, Гейб был красив в своей грубой, мужественной манере. Именно таким она его и запомнила, но за прошедшие годы в его образе произошли неуловимые изменения. Теперь он казался выше и шире в плечах, а мышцы приобрели невидимый ранее рельеф.

В тридцать два единственным признаком возраста у Гейба были едва заметные морщинки вокруг потрясающих глаз насыщенного зеленого цвета. Парень обладал характерными для всех де Винсентов высокими, резко очерченными скулами и пьянящими пухлыми губами.

О боже, у него по-прежнему длинные волосы. Темно-каштановые, почти черные, едва достающие до плеч. Легкая щетина затеняла решительную линию подбородка, как будто он не брился день или два. В отличие от брата, он был одет в стиле casual: темные джинсы и бледно-голубая хлопковая рубашка, небрежно заправленная спереди. Завершали образ

босые ноги.

Никки едва заметно улыбнулась. Гейб *всегда* ходил босиком.

– Ник? – Он обошел стул, пялясь на нее, словно не до конца понимал, кто перед ним.

В то время как Гейб остался прежним, Никки сильно изменилась за последние четыре года. Восемнадцатилетняя девушка, которая пролила по нему столько слез, исчезла.

Он остановился рядом с ней, видимо, все еще думая, что она – плод его воображения. Его взгляд скользил от растрепанного хвоста на макушке к кедам с ламами и обратно. То, как он ее разглядывал, не имело ничего общего с тем, как смотрел на нее его брат. Она постоянно чувствовала его пристальный взгляд на своих округлых бедрах и налитых грудах. Сладкий, нежеланный и неожиданный румянец залил ее лицо.

«Плохая Никки. Плохая. Плохая».

Теперь он мог пялиться сколько угодно – это ровным счетом ничего для нее не значило. Он остался в прошлом – всего лишь глупая подростковая любовь.

Так, нужно взять ситуацию под контроль!

Когда их взгляды снова встретились, она подняла свободную руку и неловко помахала ему.

– Привет.

– Привет, – моргнув, повторил он.

Никки с трудом вдохнула и попробовала снова.

– Привет.

Девлин, стоящий рядом, издал тяжелый вздох.

– Что-то случилось? – Взгляд Гейба метался между нею и братом. – Что-то случилось с Ливи?

Никки медленно повернулась к Девлину. Он не сказал Гейбу? Что за черт?

– Я замещаю маму, пока она проходит лечение. Ты не...

Это было очевидно по тому, как Гейб вытаращился на нее, и Никки понятия не имела, почему Девлин не сообщил ему эту довольно важную новость.

– Нет, – сухо ответил Гейб, – мне не сказали.

Никки бросила на него недоуменный взгляд. И почувствовала беспокойство, когда заметила, что он все еще смотрит на нее. Девушка тут же опустила глаза.

– Уверен, у Никки много работы, – ловко вмешался Девлин.

Уцепившись за возможность уйти, как за последний спасательный жилет на «Титанике», она стала медленно волочить ноги, не сводя глаз с двери. Но, когда проходила мимо него, не смогла удержаться. Казалось, она не контролировала собственных действий.

Никки бросила взгляд на Гейба и увидела, что он все еще смотрит на нее.

– Было приятно увидеться, Гейб.

Она сказала это, и слова, хоть и правдивые лишь отчасти, прозвучали естественно.

Только дважды за всю жизнь Гейба происходило что-то, что могло выбить его из колеи.

Сейчас как раз тот случай.

Гейб уставился на дверь, в которую вышла Никки, в полном потрясении.

– Это и вправду была она?

Дейв издал нечто среднее между смешком и покашливанием.

– Маленькая Никки уже не такая маленькая, да?

На самом деле маленькая Никки уже не была маленькой во время их последней встречи, но она не выглядела *так*...

Мать божья, но он не заметил такой задницы и сисек.

Что за черт? Он что, серьезно думает об этом?

Его скрутило от отвращения. Он не станет думать о ее прелестях, несмотря на то они отчетливо выделялись под обтягивающей майкой и джинсами.

Проклятие.

Неважно, что ей уже двадцать с крошечным хвостиком.

Ник всегда была милой девочкой. Тощей и чертовски милой, но теперь стала... Она, мать его, стала красавицей.

Он чуть не рассмеялся, прокручивая в голове слова о позднем расцветании, но все так и случилось. За время ее отсутствия лицо Никки вытянулось, наконец-то став сораз-

мерным большим карим глазам и широким, выразительным губам.

Из милой она превратилась в опасно обворожительную.

Гейб поверить не мог, что девушка тут. Он заставил себя обратиться к брату.

– Мы не могли нанять кого-нибудь другого?

Какой угодно выбор был бы лучше этого.

Дев вскинул бровь и скрестил руки на груди.

– Как ты знаешь, в последнее время у нас наблюдается текучка персонала.

Да, это так.

– И после того, что тут произошло, я не мог не согласиться с предложением Ричарда вызвать Никки на замену ее матери. Она и так собиралась вернуться домой. Плюс она знает, как не соваться не в свои дела и держать рот на замке.

Гейб стиснул челюсти. Ник определенно знала, как держать рот на замке. Он провел рукой по волосам. Что за черт? Откровенно говоря, мужчина понятия не имел, что теперь делать, учитывая все новые обстоятельства. Как будто мало было проблем в жизни.

Он искренне верил, что никогда больше не увидит Ник, по крайней мере, не так близко. Наблюдать издали *безопаснее*.

Дерьмо.

Сколько ей сейчас лет?

Он быстро прикинул в уме. Двадцать два. День рождения

у нее в ноябре. Ей исполнится двадцать три. Дерьмо. В свои двадцать три он помнил лишь одни вечеринки и секс. Это было целую жизнь назад. Возник наиглупейший вопрос: она по-прежнему делает маленькие браслеты и ожерелья из дерева? Он надеялся, что да. У девчонки был прирожденный талант.

– Это станет проблемой? – тихо спросил Дев.

Он нахмурился, уронив руку.

– Нет. С чего бы?

– Хороший вопрос.

Он прищурился. Дев никак не мог знать. Его даже дома не было в те катастрофические выходные четыре года назад, когда Гейб совершил вторую величайшую ошибку в своей жизни.

Но его брат мало что упускал из виду.

– Ты странно и бурно отреагировал, увидев ее, – подчеркнул он.

– Меня застали врасплох. – Чертовски верно. – Не ожидал увидеть ее тут. Дерьмо. Решил, что с Ливи что-то случилось.

Дев молча разглядывал его минуту.

– Я думал, ты не вернешься до четверга.

– Так я и планировал. – Гейб вздохнул, снова взглянув на дверь. Черт. – Но решил вернуться раньше.

– В Батон Руж все пошло не так?

Гейб покачал головой. Хотя все пошло совсем не так – боже, все пошло адски не так, – теперь он даже не думал о

своей поездке в Батон Руж. После того, как он увидел Ник, его мысли были где угодно, только не там.

– Не могу винить их в этом. Они оказали услугу, вызвав меня в первую очередь, но не позволяют мне вот так запросто войти в свою жизнь.

– Мы можем их заставить.

Взгляд Гейба заледенел.

– Черт, нет. Не смей вмешиваться, Дев. Это *моя* жизнь, и все дерьмо разгребать *мне*. Семья не имеет к этому никакого отношения.

– Семья имеет к этому отношение. Вильям...

– Нет. – Гейб посмотрел в глаза Деву, и в груди у него все похолодело. – Я улажу это по своему усмотрению, Девлин. Тебя это не касается.

Дев дернул щекой, редкое проявление эмоций, и на минуту Гейбу показалось, что старший брат не уступит.

– Кстати, вдруг вспомнилось, – сказал Гейб. – Когда я уезжал из Батон Руж, столкнулся с Россом Хайдом.

Легчайший проблеск раздражения мелькнул на лице Девы.

– Дай угадаю. Он хотел поговорить об отце?

– И о шефе полиции. И о том, почему у нас проблемы с наймом работников.

– Разумеется, – пробормотал Дев. – Он становится довольно навязчив, а это значит, его нужно...

– Игнорировать, – закончил Гейб, не сводя глаз с брата. –

Его нужно просто игнорировать. В конце концов он переключится на что-то другое, Дев. Больше мы ничего не станем делать.

– Именно это я и хотел сказать. – Легкая улыбка заиграла на его губах, и Гейб уже готов был выпалить вслух «Чушь собачья!», но Дев продолжил. – Кстати, Сабрина придет сегодня на ужин.

Боже.

Этот день может стать еще хуже? Значит, он не будет ужинать тут, потому что даже другая планета не стала бы достаточно большим расстоянием между ним и невестой Дева. Стоп. До него вдруг дошло.

– Никки будет прислуживать за ужином?

– Поскольку у нас нет другого персонала, она будет в полной мере выполнять обязанности миссис Бессон.

А это значит, что ей придется прислуживать Сабрине.
Дерьмо.

* * *

Стоя перед большой духовкой, упершись ладонями в ее стекло, Никки вглядывалась внутрь. Живот у нее крутило. Сэндвич с ветчиной и сыром, который она сделала для себя перед началом этого самого неловкого из всех неловких разговоров с Девлином, не смог удовлетворить потребностей голодного желудка. Этот крохотный ланч она проглотит-

ла несколько часов назад.

Цыпленок пах потрясающе: травами, сливочным маслом и домашней едой. И, насколько она могла судить, кожица поджарилась идеально.

Боже, из-за этого Никки чувствовала себя голодной.

Это также напомнило о тех днях, когда она сидела на одном из ближайших табуретов, наблюдая, как мать готовит для де Винсентов. Определенно табуреты теперь выглядели новее, гладкие и серые, с мягкими сиденьями, но всякий раз, как она оказывалась в кухне этого дома, снова чувствовала себя ребенком.

По правде сказать, Никки была чертовски хорошей стряпухой, и за это следовало благодарить ее мать. Девушка действительно любила готовить, но ей никогда не приходилось делать это в студенческой комнате в Таскалусе или в маленькой квартирке, где она жила в последний год обучения. Так что, когда дочь возвращалась домой на каникулы, она любила торчать с мамой на кухне и готовить фаршированные блюда, пироги и многое другое.

Только вот эта кухня ничуть не походила на кухню дома. По размерам она могла сравниться со всем первым этажом родительского жилища.

Она прижала нос к теплomu стеклу. Кому нужна такая большая кухня? Де Винсентам, вот кому. Дьявол, да весь дом был гигантским. Три уровня и два крыла, отходящих от основной части. Тут спален больше, чем Никки может сосчи-

тать.

Поместье де Винсентов снова и снова переделывалось и перестраивалось, но отражало стиль тех дней, за которые все еще отчаянно цеплялись некоторые части юга. На каждый этаж можно было войти с галереи, что опоясывала весь дом, и она знала, что у братьев есть свои private комнаты и входы, где они в основном и обитали. В этих частях дома располагались свои гостиные, кухни, спальни и ванны. Черт, их личные комнаты на самом деле были больше, чем обыкновенные квартиры.

Если верить отцу, Гейб и Дев обитали в правом крыле, а Люциан со своей подружкой – в левом.

Все остальные спальни стояли пустыми, как и комнаты их родителей. У них были отдельные спальни, и она догадывалась, что ни один из братьев не хотел бы занять их.

К счастью, убирать там следовало лишь раз в неделю, а значит, только в пятницу. Она не жаждала идти в апартаменты Гейба. Когда она находилась там в последний раз, то сжимала ожерелье, которое сделала для него, и...

Никки одновременно вспыхнула и поморщилась.

Память вернула девушку к неловкой встрече. Гейб тараторжил на нее, словно... Боже, она даже не могла сказать наверняка. Но с явно нехорошим выражением.

– Что ты делаешь?

Взвизгнув, она отпрянула от плиты и резко обернулась. Сердце ее быстро забилося.

В кухне стоял Гейб.

– Да что с вами такое, что вы так бесшумно подкрадываетесь к людям? – требовательно спросила она, прижимая руку к груди. – Боже.

Его губы изогнулись так, будто он собирался улыбнуться, но в конечном итоге передумал.

– Я шел не так уж бесшумно.

– Я тебя не слышала.

– Может быть, потому, что пыталась влезть головой в духовку.

Ее щеки вспыхнули.

– Дверца закрыта, так что попытка провалилась бы.

– Да уж.

Никки прерывисто вздохнула и замерла, когда их взгляды встретились. Повисла пауза. Оба стояли, молча глядя друг на друга. Он не выглядел враждебным, но и дружелюбным его сложно было назвать.

Пауза затянулась.

– Ужин пахнет превосходно, – вдруг сказал Гейб, нарушив молчание. – Жареный цыпленок?

Она вздрогнула.

– Э, да. – Она развернулась к кухонному столу, где только что закончила чистить картошку. – И картофель. А еще салат, булочки... с маслом.

«Булочки... с маслом».

Никки потребовались все силы, чтобы не закатить глаза.

Он стал подходить ближе, но замер, будто встретился с дикой собакой. Ее сердце затрепетало.

– Твои волосы... – Он опустил голову набок. – Они другие.

– Да. – Они когда-то были невнятно-темного цвета, но потом она нашла в Таскалусе потрясающего стилиста, и та превратила их в каскад золотых и каштановых локонов, используя технологию окрашивания балаяж. – Это просто высветленные пряди, ничего больше.

– Ничего больше. – Его взгляд скользнул по узлу на макушке.

Чувствуя себя неловко, она водила взглядом по кухне.

– И волосы у меня теперь намного длиннее.

Он поднял брови.

Неужели они действительно обсуждают длину ее волос? Получался самый натянутый разговор в жизни. Печально. Когда-то все было иначе. До того, как она все испортила: он бы поддразнивал ее и расспрашивал о колледже, разговаривал как человек, которому не стыдно находиться с ней в одной комнате.

Нужно сворачивать этот разговор и крепко подумать, как продолжать здесь работать, не натыкаясь постоянно на Гейба. Дом достаточно большой, чтобы как-то это устроить.

– Мне нужно вернуться к...

– Созерцанию духовки?

Плечи ее поникли.

– На самом деле мне нужно закончить с картошкой. Так что, если ты меня извинишь. – Она начала разворачиваться, молясь, чтобы он просто ушел.

– И это все, что ты можешь сказать? Потому что мне есть много о чем поведать, – продолжил он. – Думал, пройдет миллион лет, а я так и не увижу тебя тут больше.

Никки выпрямила спину, будто вместо позвоночника ей вставили стальной прут. О боже. Горло сжал спазм.

– Нам нужно поговорить.

– Нет, не нужно, – быстро ответила она. – Нам не нужно ни о чем разговаривать.

– Чушь собачья, – выпалил он, и голос его раздался настолько близко, что она инстинктивно развернулась к нему.

Гейб теперь стоял у края массивного кухонного острова, всего в паре шагов от нее. Она отступила, упершись спиной в стол. Сердце быстро билось, а взгляд метнулся к двери.

– Никто сюда не придет, – сказал он, будто прочитав ее мысли. Она перевела взгляд на него. – Дев в своем кабинете на втором этаже, у него встреча, а твой отец – снаружи, с садовником. Никто нас не услышит.

Странная смесь чувств охватила ее. Холод побежал по спине. А по коже заплесала мелкая горячая дрожь.

Гейб подходил все ближе, не останавливаясь до тех пор, пока не очутился прямо перед ней, всего в нескольких сантиметрах. Она вдохнула, уловив морозный, свежий запах его туалетной воды. Аромат напомнил ей о грозе, о *той* ночи.

Это было последнее, о чем хотелось вспоминать.

Как и брат, он на голову выше нее, так что теперь Никки смотрела прямо на его грудь. Слава богу, на нем рубашка.

– Я не хочу говорить, – с трудом выдавила она.

– Я хочу.

– Гейб...

– Ты должна мне это.

Девушка сжала губы. Он прав. Она должна ему этот разговор.

– Окей.

Повисла еще одна долгая пауза, а потом он спросил так тихо, что она не была уверена, правильно ли его расслышала.

– Я обидел тебя той ночью?

Глава 4

– Что? – Она потеряла дар речи.

Гейб пристально смотрел на нее.

– Я видел простыни после того, как ты ушла. На них были алые пятна.

О боже, кровь отлила от ее лица, а потом снова ударила в голову так быстро, что она испугалась, не случится ли с ней удар. В тот момент это казалось вполне возможным.

– Я обидел тебя? – снова требовательно спросил он.

– Нет. – Она говорила правду. Почти. Никки почувствовала боль, но, насколько она знала, в первый раз и должно быть так.

Что-то похожее на облегчение мелькнуло на его лице, когда он на мгновение закрыл глаза.

Она прерывисто вздохнула.

– Просто, ну, ты знаешь...

– Нет. – Облегчение сменилось гневом. – Я *не знаю*, Ник.

Правда? Она отвела взгляд, повторяя себе, что уже взрослая и может выдержать этот разговор, потому что Гейб прав. Она должна ему это.

– Я была девственницей...

– Да, я как бы догадался об этом, – жестко оборвал он. – Кажется, крови было больше, чем следовало. С другой стороны, никогда не имел привычки трахать девственниц, так

что в этой области у меня мало опыта.

Никки вздрогнула. Конечно, за ним не водилось таких привычек. Гейб был хорошим парнем. Одним из *лучших*.

– Не знаю, что ответить, но ты меня не обижал.

– Не верю в это ни одну, мать его, секунду.

Она подняла глаза и попыталась сфокусироваться на его плече.

– Ты не обидел меня, Гейб.

Он склонил голову, упершись руками в стол позади нее, по обе стороны от ее бедер. Она оказалась в ловушке.

– Я немного помню о той ночи, – начал он.

Никки снова вздрогнула, потому что она о той ночи помнила все. *Все*. И это был удар под дых. Она так хотела этого, а он даже не помнил ни о чем.

Не понимал, что это была *она*.

– Только отдельные фрагменты, – продолжил он. – Но я чертовски уверен в том, что обращался с тобой не так, как обращаются с женщиной, у которой никогда не было секса.

И это тоже правда. Гейб не сдерживался, и все случилось по меньшей мере жестко.

– Еще помню обломки и кровь. Я сразу подумал, не обидел ли тебя.

Она покачала головой.

– Ты не обидел. – Ее взгляд упал на костяшки пальцев его правой руки, побелевшие от того, как сильно он вцепился в столешницу. – Гейб, мне так...

– Жаль? – тихо предположил он. – Ты что, серьезно собираешься извиняться передо мной?

– Ну да. Я ведь извинялась перед тобой тем утром. Многословно, если мне не изменяет память...

– О, это я помню. – Его глаза блестели словно лед. – Но не уверен, насколько извинения уместны в такой ситуации. Они и не были уместны. Совсем нет.

– Но я это сделала. – Она заставила себя посмотреть ему в глаза. – Мне жаль. Ты понятия не имеешь, как мне жаль.

Ничто в его виде не смягчилось. Хотя она не ожидала, что извинения помогут.

– Ты хотя бы представляешь, как плохо все могло кончиться?

– Я...

– Нет, – отрезал он, и Никки замолчала, – ты не дала мне возможности сказать тебе ни слова. За все четыре года. Ни когда я пытался звонить тебе. Ни когда пытался убедиться, что, мать твою, не обидел тебя. Ты исчезла, уехав в колледж. Исчезла с лица планеты и больше не появлялась.

– Разве ты не этого хотел? – спросила она. – Потому что я практически уверена, что тем утром ты сказал, что никогда больше не хочешь видеть мое «гребаное лицо». – Ком в горле стал больше. Даже думать о том, как он смотрел на нее, какое крайнее отвращение выражало его лицо, было все еще больно. – Я помню, ты это произнес.

Он не ответил.

– Еще ты сказал, что я отрв...

– Я помню, – перебил он.

– Тогда почему ты задаешь мне такие вопросы? Непохоже, чтобы ты действительно хотел поговорить со мной, – разозлившись, выпалила она в ответ. Девушка понимала: ее поступок был неправильным, более чем неправильным, но злость все равно росла внутри. Он что, действительно ждал, что она ответит на его звонки? После всего, что он ей сказал? После того, как увидел ее такой опустошенной? Она никак не могла разговаривать с ним. Ей было стыдно. Она была унижена. И что самое главное – ее глупое сердце разлетелось на миллион маленьких осколков.

– Но теперь ты вернулась, – сказал он. – Снова вошла в мою жизнь, как будто ничего не случилось.

– Я не вела себя так, будто ничего не случилось, и никуда я не входила...

– Ты понимаешь, что могло бы случиться со мной, если бы кто-нибудь узнал?

Она уставилась на него.

– Мне исполнилось восемнадцать, Гейб, я не была малолеткой...

– Это неважно. Ты, мать твою, была все еще ребенком...

– Я *не была* ребенком. Мне исполнилось восемнадцать.

Он резко рассмеялся.

– Да, конечно, но в восемнадцать ты еще не взрослая, дорогая.

«Дорогая».

Боже.

Сердце ее разрывалось. Он называл ее так раньше, и тогда это казалось ласковым прозвищем. Но не теперь.

И тут до нее дошло. Возвращаться было ошибкой. Никки сделала бы для родителей все что угодно, но в этот раз ничего не получится.

А Гейб все продолжал.

– Если бы мы поменялись ролями и я не был бы так пьян, что случилось бы? Если бы я пришел к тебе, когда ты была без памяти, и воспользовался ситуацией?

Слезы стыда и сожаления встали комом в горле. Это ужасное ощущение, будто она снова тонет, грозило овладеть ею с головой.

Бог свидетель, девушка знала, что он выпивает, но никогда не видела Гейба пьяным. Он не походил на прежнего Люциана. Никки догадывалась, что он выпил несколько банок пива. Но не думала, что парень был так пьян, что едва ли осознавал, что делает и *с кем*, пока не настало утро. Но она поняла это чертовски быстро еще до того, как он полностью пришел в себя.

Потому что Гейб перекатился на бок, обнял ее за талию, прижал к себе так, будто ему претила сама мысль о том, что сейчас девушка встанет с постели. И эти короткие секунды были чудесны. А затем он назвал ее Эммой, уничтожив все глупые мечты, которые она лелеяла.

– Не думала, что ты был настолько пьян, – прошептала она.

Его глаза недоверчиво распахнулись.

– То есть ты действительно считала, что я могу трахнуть восемнадцатилетнюю девочку, которая была мне практически как сестра? Девочку на десять лет младше меня?

Слезы угрожали хлынуть из глаз. Она отвела взгляд, сжав губы и замотав головой. Она не станет плакать. Проклятие, не станет, *мать ее*, плакать.

– Боже, – прорычал он, – да за кого ты меня держишь?

Никки не собиралась отвечать на этот вопрос.

Он едва слышно выругался.

– Если бы твои родители узнали, что случилось, мне пришел бы конец. И фигурально, и буквально. Твоя мать отравила бы мой ужин, а отец скормил бы аллигаторам. Я их уважаю.

– Знаю, – прошептала она. – Я думала...

– О чем ты думала, Ник? Я понял, что ты втюрилась в меня, но ты хоть знаешь... – Он глубоко вздохнул, как будто пытался сдержать себя, но не очень-то в этом преуспел. – Ты хоть знаешь, как я казнил себя за то, что позволил подобному случиться?

– Это не твоя вина, – ответила она, снова переводя взгляд на него. – Я одна во всем виновата.

Гейб молчал так долго, что Никки начала опасаться, не потерял ли он дар речи.

– О чем ты думала? – наконец выдавил он.

– Не знаю. Я вообще не планировала делать это, была глупой восемнадцатилетней девчонкой и... – Она оборвала сама себя.

Никки ни за что не признается, что влюбилась тогда. А когда поняла, что он пьян и принял ее за другую, почувствовала такое опустошение, которое сложно выразить словами.

– Слушай. Мне жаль. Поверь. Знаю, то, что я сделала, – неправильно, и сожалею, что у тебя были из-за меня неприятности. Ты невиноват и ничем меня не обидел.

Гейб наконец-то отвел взгляд.

Она передернула плечами.

– Я уже другая.

– Да уж, точно, – пробормотал он, и она понятия не имела, к чему относились его слова.

Никки продолжила:

– Я тут не для того, чтобы создавать тебе проблемы, а ради своих родителей, вот и все. Я проработаю лишь до тех пор, пока мама не сможет вернуться, и больше тебе не придется иметь со мной дело.

Он снова резко повернулся к ней.

– Приятно слышать, потому что мне нужно, чтобы ты поняла одну очень важную вещь.

Она вся обратилась в слух.

– Я не хочу иметь с тобой ничего общего и советую держаться от меня подальше.

Гейб был уже на полпути к тому, чтобы напиться в хлам.

В последнее время это случалось с ним слишком часто, но, опять же, весь его мир взлетел на воздух несколько месяцев назад, а теперь часть его прошлого, которое он хотел бы забыть, готовила внизу ужин для Дева и этой его... невесты.

Он прикончил последние капли сорокалетнего «Макаллана», едва заметив обжигающий глоток, а затем поставил пустой бокал на барную стойку. Люциан предпочитал бурбон, Гейбу же нравилось обжигающее послевкусие, которое оставлял скотч.

Пройдя через жилую часть комнат, он открыл французские двери и вышел на галерею. Рубашка тут же прилипла к телу. Поздний сентябрь, а до сих пор кажется, будто он в одном из кругов ада.

Он слишком жестко разговаривал с Ник.

Маленькая идиотка заслужила это, но, черт побери, он был резок. Потирая грудь, он уставился на расстилающийся пейзаж, на бассейн внизу. Гейб видел, как остекленел ее взгляд, когда он высказал ей все.

И он говорил совершенно серьезно.

Последнее, что ему сейчас нужно, – это Ник, которая станет волочиться за ним и заставит его чувствовать себя героем только потому, что он дышит с ней одним воздухом.

Но, черт побери, ведь он не до конца честен ни с ней, ни с собой. Он закрыл глаза, и голова закружилась.

Большая часть ночи вспоминалась в каком-то угаре. Он не преувеличивал, когда сказал, что был пьян до беспамятства.

Открыв глаза, Гейб обернулся и посмотрел на дверь. Да, кое-что он все-таки помнил.

Помнил, как поразился, увидев Ник в ту ночь в этой самой двери. Он и понятия не имел, что задумал этот чертенок. С ней никогда не знаешь наперед. Гейб впустил ее, потому что с Ник всегда весело. И хотя он знал, что она серьезно в него втюрилась, девчонка казалась ему безобидной.

Уже не в первый раз она приходила в его комнаты. Никки постучалась в эти двери, когда чертов Дэнни Крисли высмеял ее на втором году обучения в старших классах и она разревелась. Поджидала его, когда расстроилась, что ее никто не пригласил на выпускной вечер. А однажды осмелилась даже войти без спроса и подождать его внутри, потому что, по ее словам, отец начал бы кричать на нее за то, что она мешает ему.

Он никогда бы и представить не мог, что та ночь обернется тем, чем обернулась. Если бы он не напился, ему хватило бы здравого смысла, чтобы понять, что на этот раз все будет иначе.

Гейбу следовало это предвидеть.

По мере того как приближался ее отъезд в колледж, она все больше и больше липла к нему. Ее взгляды становились

все более долгими и вызывающими, и он готов поклясться, купальники все меньше и меньше прикрывали тело.

Он делал все возможное, чтобы этого не замечать. И хоть братья относились к ней как к сестре, Ник была им никем.

Их настоящая сестра оказалась лгуньей и психопаткой, склонной к убийству, и по сравнению с этим прегрешения Ник казались мелочами.

В итоге девчонка наворотила дел той ночью, и все могло обернуться гораздо хуже. Бог свидетель, он делал прорву эталонных глупостей, когда ему было восемнадцать. Хотя, опять же, сколько бы безумств он ни совершал, ему хватило ума не спать с кем-то в стельку пьяным.

«Я не думала, что ты пьян».

Дерьмо.

Произнесенные ею слова эхом звучали в его затуманенном сознании. Очень может быть, что она действительно этого не понимала.

Но и он был не до конца честен с собой, потому что осознавал, кто появился в его комнате той ночью, очутился в итоге у него на коленях, а затем – в его постели.

Да.

Он был достаточно трезв, чтобы понимать, чье именно тело извивалось под ним.

Но слишком пьян, чтобы это его заботило.

А между «слишком пьян, чтобы заботиться о последствиях» и «слишком пьян, чтобы осознавать происходящее» рас-

стояние с футбольное поле.

И этот факт его явно не красит.

Многие считали его хорошим человеком, таким, который всегда поступает правильно. А по большому счету он нехило облажался.

Какое прозвище придумала ему желтая пресса, когда он учился в колледже? «Демон». Если бы они только знали, как оказались правы.

– Твою ж мать, – пробормотал он, отворачиваясь от дверей и обхватывая рукой увитые лозой перила. Стебли покрывали каждый сантиметр дома снаружи, не залезая разве что только на пол галереи. Ему казалось, что со временем они завоюют и доски настила.

Губы его изогнулись в усмешке, когда он вспомнил, как много лет назад отец пытался избавиться от лозы. Но сколько раз ее ни вырубали, она снова разрасталась.

Теперь его так называемый отец мертв, и никто не станет искоренять эти заросли. Лоза в конце концов победила.

Оттолкнувшись от перил, Гейб вернулся обратно в комнату. Живот урчал, пока он искал новую бутылку скотча. Тот цыпленок пах потрясающе.

Но он ни за что не спустится туда, где можно столкнуться сразу с двумя женщинами, которых он был бы счастлив никогда не увидеть снова.

Никки не могла дожидаться минуты, когда уедет домой.

Она отработала всего один день, но уже находилась на грани того, чтобы не вылить остатки шампанского из бутылки на голову Сабрины Харрингтон.

Сабрина воплощала в себе все, чем никогда не станет Никки.

Необыкновенно стройная, элегантная, красивая, с хорошими манерами и маникюром, до неприличия богатая, да еще и невеста одного из братьев де Винсент. К тому же перwokлассная стерва.

Никки очень не любила это слово. В основном потому, что его часто использовали, чтобы унижать женщин, но Сабрина стала олицетворением всех худших черт богатых людей.

Стоя за дверью малой столовой, она крутила бутылку в руках, вместо того чтобы поставить ее обратно в лед, как предписывал порядок.

Ей было глубоко плевать, нагреется ли из-за этого шампанское. Никки лишь хотела, чтобы они уже закончили свой проклятый ужин, а она могла прибраться, отправиться домой и зарыться головой в подушку в той самой спальне, где выросла.

Девушка мечтала забыть сегодняшний день.

Забыть адски неловкий разговор с Девлином.

И определенно, *совершенно* определенно, забыть давно назревшую перепалку с Гейбом.

«Не хочу иметь с тобой ничего общего и советую держаться от меня подальше». Никки не могла винить его за то, что он хотел этого разговора, но воспоминание до сих пор жалило, словно она разворошила гнездо шершней.

Ей потребовалось столько времени, чтобы преодолеть то, что она сделала, и начать вести себя как нормальная девушка-студентка. После той ночи секс в ее сознании извратился. Она чувствовала себя грязной после произошедшего, очень долго не придавая значения тому, что действительно не знала, насколько Гейб был пьян. Так продолжалось весь первый год в колледже, девушка не могла даже заводить отношения или спать с кем-то, не вспоминая о той ночи.

Но, несмотря на практически отсутствующий опыт в сексе и отношениях, Никки смогла преодолеть этот зажим. Она научилась не думать о Гейбе и том происшествии.

Так что ей казалось, что она сможет справиться с этим.

– Прошу прощения, *Никки*, – позвала Сабрина.

Закрыв глаза, девушка мысленно составила внушительный список достойных ответов, а потом прошла в столовую.

Девлин и Сабрина сидели в противоположных концах стола.

– Да, – Никки остановилась рядом с Сабриной. Та подняла изящный фужер.

– Понимаю, у тебя нет прирожденных навыков в этой об-

ласти, и тебя никогда толком подобному не учили, но никогда нельзя позволять бокалу оставаться пустым.

Закусив щеку, Никки молча подлила шампанского. Очевидно, во время еды ноги у Сабрины отнимались, и она не могла сама встать и наполнить свой проклятый бокал.

Стройная холодная блондинка слащаво-приторно улыбнулась.

– Это – отличительная черта великолепного слуги. – Взгляд Никки метнулся к Девлину, но тот как раз уставился в свой телефон. Девушка не была уверена, что он понимал, что находится тут не один. Никки даже не слышала, чтобы они обменялись хотя бы пятью фразами. Так романтично.

Отступив, она уже была готова нырнуть обратно в свою спасительную нору, когда Сабрина вдруг закашлялась, поднеся к горлу руку с французским маникюром.

– «Периньон» теплый. – Она произнесла это с таким видом, будто в ее кругах это считалось самым страшным преступлением. – *Никки*, ты что, не ставишь бутылку обратно в лед? С опытом или без, уверена, ты должна знать об этом.

Никки поняла, что оправдываться бесполезно, поэтому начала молча разворачиваться, но затем увидела поразительное преображение, случившееся с Сабриной. Она скрыла улыбку ледяной принцессы, и все ее лицо просветлело, будто вошло ее личное солнце.

Никки проследила за взглядом Сабрины. Внутри нее все оборвалось.

Гейб вошел в комнату, тоже не с пустыми руками. В правой он держал бокал с янтарной жидкостью. Скотч. Никки прямо-таки чувствовала его запах.

– Девлин, дорогой. Посмотри, кто к нам присоединился! – Весь ее тон изменился так сильно, что Никки задумалась, говорила ли эта женщина когда-нибудь искренне.

Старший из де Винсентов поднял взгляд, когда Гейб надменно развалился в кресле рядом.

– Добрый вечер.

Гейб кивнул, ставя бокал со скотчем на кремовую скатерть. Он не посмотрел на Сабрину, но обернулся к Никки, все еще сжимавшей бутылку шампанского ценой в подержанную машину.

Что он тут забыл?

– Никки, обслужи Гейба. – Смех Сабрины звучал словно колокольчики на ветру. – Будь так добра.

Очевидно, он спустился поесть.

– Мне помнится, раньше она не была такой тупой, – сказала Сабрина, качая головой и улыбаясь Гейбу так, будто он был с ней согласен.

Хотя если Никки простоит тут еще немного, то он, вероятно, согласится с этим.

Очнувшись, девушка развернулась и поспешила на кухню, едва не уронив шампанское в ведро со льдом. Она машинально накладывала еду в тарелку. Вероятно, Гейб был голоден, поэтому она положила ему куриную грудку и бед-

ро, добавила гору картошки и с полными руками вернулась назад.

– Итак, – говорила Сабрина, – над чем ты сейчас работаешь, Гейб?

– Заграничный заказ, – ответил он безразличным тоном, при этом внимательно наблюдая за действиями Никки. Она никак не могла скрыть легкий румянец, когда наклонилась, чтобы поставить на стол салат и главное блюдо.

Сабрина опустила свой фужер. Ее тарелка осталась практически нетронутой.

– О, что за заказ?

Он не ответил Сабрине, что показалось Никки несколько грубым. Когда девушка отошла в сторону, Гейб неожиданно поймал ее за запястье. Все ее тело вздрогнуло от прикосновения его пальцев, сжавшихся на бьющемся пульсе.

– Можешь принести мне стакан воды? – Он помедлил. – Пожалуйста.

С трудом сглотнув, она кивнула, но Гейб все еще держал ее за руку. Хватка была мягкой, но уверенной, и она чувствовала ее, как клеймо на коже. Ее взгляд метнулся к нему. Что он сделал? Тронул ее? После того как велел держаться от него подальше?

Гейб выгнул брови в ожидании чего-то.

И тут она поняла, чего он хочет. Раздражение вспыхнуло, когда она выпалила:

– Да, могу.

– Хорошо. – Он отпустил ее с легкой улыбкой, такой же фальшивой, как и те, которыми ее одаривала Сабрина.

Прижав запястье к груди, она развернулась, встретившись взглядом с Сабриной. Та смотрела напряженно, будто шампанское горчило. Не имея ни малейшего понятия, в чем опять проблема, Никки пошла выполнять просьбу Гейба.

– Гейб, дорогой, – снова попробовала Сабрина, – над чем ты работаешь?

Никки не услышала ответа и понятия не имела, последовал ли он.

Когда она вернулась, разговор за столом оставался таким же натянутым. К счастью, тарелка Девлина была почти пуста, исчез и почти весь салат Гейба. Она поставила на стол стакан воды.

– Я думаю, какой у тебя потрясающий талант, – продолжала щебетать Сабрина. – Знаю, ты занят, но я была бы счастлива...

Гейб локтем задел нож на столе, сбросив его на пол. Их с Никки взгляды встретились, и она снова увидела эту кривую ухмылку. Он смотрел на нее.

– Прошу прощения, – пробормотал мужчина, – мне нужен новый нож.

«Да ты издеваешься», – подумала Никки, наклоняясь и подхватывая нож с пола. Когда она вернулась с чистым ножом, Гейб уже выпил всю воду и захотел еще, а затем ему понадобился свежий салат, и даже Девлин смотрел на него с

любопытством. К тому моменту Никки уже поняла, что он делает все это специально.

Ладно.

Пускай.

Хочет вести себя как скотина, вперед.

По правде говоря, она заслуживала худшего. Но если это было лучшее наказание, какое он мог придумать, она легко его примет. Девушка принесла ему еще стакан и салат.

– Мой бокал *снова* пуст, – сказала Сабрина, как раз когда Никки ставила перед Гейбом воду.

Сколько жидкости пьют эти люди! Боже!

Вздыхнув, она выпрямилась и пробормотала едва слышно: «Черт меня побери».

Гейб издал звук, ужасно напоминавший смешок.

Сабрина распахнула глаза.

– Прошу прощения?

Вот дерьмо. Никки широко улыбнулась.

– Я сказала, что совершенно не справляюсь с этим.

Женщина внимательно посмотрела на нее.

– Уверена, именно это ты и сказала.

Вновь бросив взгляд на Гейба, Никки с удивлением увидела искреннюю улыбку на его губах, когда он поднимал бокал скотча. Она схватила шампанское.

– И когда вернется другая? – обратилась Сабрина к Девлину, который в ответ лишь пожал плечами. – Надеюсь, скоро. Эта явно не справляется. На самом деле, – она бросила

взгляд на Никки, – это очень печально. Работа несложная.

Девушка крепче сжала бутылку.

Сабрина склонила голову набок, и Никки готова была поклясться, что ни один волосок на ее голове не шевельнулся. Что за лак для волос использует эта женщина?

– Девлин говорил, ты только что окончила колледж. Мне сложно в это поверить. Думаю, стоит проверить твой диплом и опыт работы.

– Она училась в колледже, – ответил Гейб, до чертиков шокировав присутствующих, в частности Никки. – Специалист по социальной работе. Диплом с отличием. Верно?

Никки стояла рядом с застывшей Сабриной. Откуда, черт побери, он об этом знает? Однако ответ был очевиден. Ее родители, скорее всего, сообщали ему и братьям все новости, хотели они того или нет.

Но неужели он и впрямь пытался вступить за нее после всего случившегося?

– Ну, – Сабрина подняла свой фужер повыше, – тогда я понятия не имею, почему она никак не может сообразить, как правильно наполнять бокалы.

Никки не понимала, почему она сделала то, что сделала. Может, это была та дикость в характере, которая досталась ей от бабки, но она действовала не задумываясь, хотя это бы не помешало.

Улыбнувшись самой яркой и широкой улыбкой, она принялась наливать шампанское в фужер и не остановилась во-

время.

Сабрина взвизгнула, когда чертовски дорогое шампанское потекло по ее длинным пальцам и залило белые брюки, и рванула с места словно ракета, опрокинув тяжелый стул.

– О боже! – Блондинка уставилась на собственные ноги. – Поверить не могу, что ты это сделала!

– Мне так жаль, – ответила Никки. – Позвольте вам помочь. – Она потянулась за бледно-голубой салфеткой, к которой едва прикасались. – Я просто так неопытна во всем этом. Хорошо было бы поучиться где-то, но...

Один из братьев издал странный сдавленный звук, но Никки не осмелилась взглянуть в их сторону. Если бы она это сделала, они бы моментально все поняли. При одном только взгляде на ее лицо.

– Нет! – взвизгнула Сабрина. – Не прикасайся. Ты только все испортишь.

– Сабрина, – Девлин вздохнул, – сядь.

Она подняла голову.

– Я не могу сесть. Нужно немедленно сдать все это в химчистку, пока еще можно что-то сделать.

Девлин уперся ладонью в стол, глядя на свою невесту.

– Это просто брюки. Я куплю тебе три новых пары взамен этих. Сядь.

Сабрина села, но продолжала злобно смотреть на Никки.

– Стоимость чистки этих брюк должна быть удержана из твоего жалованья.

– Дев уже сказал, что купит тебе новые, – вмешался Гейб. – Это всего лишь брюки.

Блондинка задохнулась.

– Это не просто брюки. Это «Армани». Они уже даже не шьют такую модель.

Дев по другую сторону стола снова вздохнул.

– Я куплю тебе полный шкаф брюк от «Армани», если ты прекратишь говорить об *этих*.

Сабрина сжала губы, но молча подняла салфетку и положила ее на мокрое пятно.

Не сумев удержаться, Никки спросила:

– Мне принести другой бокал?

– Нет, – отрезала Сабрина, ее бледные щеки вспыхнули румянцем.

– Как скажете.

Быстрый взгляд на ту сторону стола подсказал Никки, что братья на самом деле поняли: произошедшее неслучайно.

Еще раз извинившись, Никки осторожно отошла от стола, пытаясь скрыть смех, что клокотал у нее в горле. Выходя из комнаты, она не могла не заметить, что Гейб, наблюдая за ней из-под густых ресниц, улыбался той самой улыбкой, которая много лет назад втянула девушку в неприятности, и ее глупое, *глупое* безрассудное сердце подпрыгнуло в груди.

После худшего дня на работе Никки дожидаться не могла, когда уже уедет из поместья де Винсентов. Выскользнув с заднего хода, она поспешила туда, где рядом с забитым машинами гаражом был припаркован ее почти десятилетний «форд-фокус».

Заводя машину, она тут же включила музыку, и из колонок понеслись песни поздних восьмидесятых. Она сразу же узнала мелодию. *Jessie's Girl*.

Боже, она любила эту песню.

Почему-то ей нравились песни тех лет. Может, потому что их слушали родители, но она не переваривала большую часть современной музыки, предпочитая подпевать Дэвиду Боуи или Talking Heads, чем любой популярной современной мелодии.

Хотя в какой-то момент своей юности она увлекалась One Direction.

Как всегда, когда ей не сиделось на месте, она начала подпевать, покачивая головой.

— Где мне найти женщину... ла-ла... девушку Джесси!

Боже. Пела она отвратительно, но продолжала, руля по извилистой подъездной дорожке, обсаженной деревьями, стараясь не думать об этом дерьмовом дне и о том, что ей придется снова и снова встречаться с Гейбом.

Добравшись до выезда на шоссе, Никки замедлила ход и наклонилась вперед. Никаких машин. Она повернула направо, выжав педаль газа, устремляясь туда, где люди не зажимаются на пустых бокалах или...

Яркий свет вдруг полился через окно «форда». Бросив взгляд в зеркало заднего вида, она нахмурилась, потому что фары приближались. Странно. Она крепче сжала руль. Девушка точно помнила, что, когда выезжала, на дороге никого не было. Никто не смог бы появиться сзади так быстро, только если он не вывернул от де Винсентов.

Внутри у нее все оборвалось.

Это невозможно! Кто поедет по этой дороге? Ее взгляд снова метнулся к зеркалу заднего вида. Машина все еще ехала за ней, не вплотную, но достаточно близко. Скорее всего, авто было припарковано где-то между деревьями на одной из боковых дорожек, которыми пользовались садовники.

Но кто бы стал парковаться там?

Никто не посмеет слоняться по владениям де Винсентов. Тревога росла, пока она ехала дальше по шоссе, замедляясь по мере того, как движение вокруг становилось интенсивнее. Никки все так же поглядывала в зеркало заднего вида и всякий раз видела машину прямо за собой. Насколько она могла различить в закатном свете, это был темный седан. Когда она повернула на улицу, ведущую к дому родителей, машина – мать божья – свернула туда же.

Сердце Никки подскочило, и она нажала кнопку на руле,

выключив радио. Ей нужно было сосредоточиться.

За ней что, следят?

Это нелепо. Девушка подняла взгляд. Машина была все еще там. Дыхание перехватило, когда она подумала о телефоне. Он лежал в сумочке. Никки принялась нащупывать его, но потом остановилась. Кому она собиралась звонить? В полицию? И что она им скажет? «Возможно, меня преследует какая-то машина»? Глупости.

Сжав губы, Никки сосредоточилась на оживленной улице, где дома буквально напоззали один на другой. Дом родителей располагался в двух кварталах. Если машина повернет...

Никки вызовет полицию. Пусть это будет выглядеть глупо, но она позвонит им.

Едва дыша, она повернула и набрала скорость, поглядывая в зеркало заднего вида. Машина притормозила на перекрестке, заставив ее судорожно вздохнуть. Она ошиблась. Это был похожий, но другой автомобиль.

Машина ускорилаь, пересекая перекресток, но за ней не повернула.

Никки вздохнула с облегчением, подъезжая к дому родителей: с губ сорвался смешок, но напряжение никуда не исчезло.

Глава 5

– Каково это – снова вернуться туда? – спросила Ливи Бессон, прошаркав к кухонному столу. Несмотря на то что снаружи было тепло и старый кондиционер едва справлялся с жарой, она была закутана в халат, в котором утопало ее худое тело.

Потягивая кофе, Никки смотрела, как мама пытается устроиться поудобнее. Лечение было довольно агрессивным, от него выпадали волосы и уходили силы. Даже в те дни, когда ее мать не проводила по восемь часов под капельницей, получая очередную дозу химиотерапии, она все равно выглядела изможденной. В кресле ей было бы удобнее, но мать предпочитала придерживаться старых привычек, хотя кофе она заменила каким-то чаем, который должен был ей помочь справиться с последствиями терапии.

– Странно, – ответила Никки, отбрасывая прочь беспокойство и страх, упорно растущие внутри при мысли, поправится ли мама. – Кое-что не меняется, например Девлин, а что-то кажется иным. Не знаю, как и объяснить.

– Как поживает Девлин?

– Полагаю, нормально. Ему не понравилась дыра на моих джинсах.

Нежная улыбка тронула губы матери.

– Девлин любит, чтобы все выглядело определенным об-

разом.

Никки закатила глаза. Только ее мать могла испытывать к этому мужчине нежность.

– Пока еще не видела Люциана, но Гейб вернулся вчера. Ее мать глотнула еще чая.

– Он был в Батон Руж?

– Да. – Ее наполнило любопытство. – Что он там делал?

– Полагаю, улаживал кое-какие личные дела, – ответила мать таким тоном, что Никки не смогла понять, знает ли она больше, чем говорит.

Тем не менее у нее возникло неприятное чувство. У него что, там подружка? А может, и не одна. Он немного слетел с катушек после того, как разошелся со своей девушкой из колледжа. *Эмма*. Боже, даже думать о ее имени неприятно. Никки едва знала эту женщину и безумно завидовала ей.

Раньше завидовала.

Потому что Ник больше не существовало.

Девушка провела пальцами вдоль глубоких царапин на кухонном столе.

– Что случилось со всей прислугой?

Ее мать бросила взгляд на часы, потом поправила цветастый платок на голове.

– В доме произошел инцидент, в результате которого персонал почувствовал себя очень неудобно.

В устах Бев это прозвучало как нечто гораздо более значительное, чем то, что случилось со старшим де Винсентом.

Хотя на самом деле произошедшее было ужасным: хозяйина особняка нашли повешенным в собственном кабинете. Она и представить себе не могла, что чувствовали братья.

– Произошло что-то еще? Это как-то связано с возвращением их сестры?

В детстве Никки никогда не проводила время с Мадлен де Винсент, учитывая, что та исчезла, когда девочке было двенадцать, растворилась в воздухе в ту же ночь, когда мать де Винсентов бросилась с крыши.

После этого для братьев наступили тяжелые времена, а до исчезновения они с Мадлен просто никогда не общались. Но Никки до смерти хотелось узнать, где та была все эти десять лет, куда она делась теперь и почему все молчат об этом.

Прошла минута.

– Есть некоторые вещи, произошедшие за последнюю пару месяцев, которые я не могу рассказать.

– Мам...

– Ты знаешь, я сказала бы, если бы могла. – Она потянулась через стол, накрыв прохладной ладонью руку Никки, и мягко пожала ее. – Ты знаешь, какая у них семья. С ними случается разное. Иногда – плохое.

«Случается плохое» – это тянуло на преуменьшение года. В конце концов, ходило поверье, что де Винсенты прокляты. На самом деле. Вот насколько плохие вещи случались с ними.

– Но я могу сказать, что недавно там произошла еще одна

смерть, – продолжила мама. – Это было в газетах, так что я не нарушу тайну, сказав тебе.

Никки ни о чем таком не читала, но она сознательно игнорировала все, что касалось де Винсентов.

– Что за смерть?

– Помнишь их кузена Даниэля? – Когда Никки кивнула, ее мать продолжила. – Однажды ночью он вломился в дом, угрожая Люциану и его девушке. Хотел убить. Девлин их защитил.

– Что? – Никки опешила. – Девлин убил Даниэля?

– Самооборона, – подчеркнула мать. – Ходили кое-какие слухи о смерти мистера де Винсента... Что это не было самоубийством. Что кто-то повесил его, обставив все как суицид.

Никки едва не уронила челюсть на стол.

– Один из детективов считает, что это могло быть делом рук Даниэля.

– Почему?

– Он издержался. Ему нужны были деньги, а ты знаешь, что они делают с людьми.

Никки сидела как громом пораженная. Даниэля она тоже знала плохо. Он всегда был рядом с Мадлен.

– А как Даниэль связан с возвращением Мадлен?

Ее мать выпрямилась.

– Это заходит в те области, о которых мне говорить неудобно, но я уверена, ты помнишь, насколько близки они были с Мадлен.

Она открыла рот и тут же захлопнула его, когда ее озарило: мать намекала на то, что все это время Мадлен была с Даниэлем? И если это так, то состояли ли они в отношениях? Что за черт?

Они ведь кузены! Никки чуть не пролила кофе. Неужели она права в своих предположениях? Что бы ни произошло с Мадлен, это оказалось в высшей степени драматично и мрачно.

– Каково было снова увидеться с Габриелем? – внезапно спросила мама.

На этот раз Никки едва не поперхнулась кофе.

– М-м-м, нормально.

Мать смотрела понимающе.

– Хм... – Чувствуя неловкость от смены темы, Никки заерзала на стуле. Она понятия не имела, знали ли родители, как сильно она влюбилась в Гейба, но они были не слепые и, если судить по Девлину, все это видели. Но девушка точно знала, что никто понятия не имел о том, что произошло в ночь перед тем, как она уехала в колледж.

Де Винсенты не единственные в доме были способны на убийство.

Ее родители точно убили бы Гейба, а ее бы заперли навечно, если бы узнали.

Было слишком рано, но Гейб лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок.

В висках стучало.

А член стал таким твердым, что им можно было гвозди забивать.

Проклятие.

Он слишком много выпил прошлой ночью, не остановившись после того, как узнал, что Ник ушла. И он точно знал, во сколько она уехала на своем стареньком «форде», потому что вышел на галерею, когда она разворачивалась по кольцу.

Наблюдал за ней словно какой-то маньяк.

Он даже не знал, зачем. И во всем винил проклятый алкоголь.

Невольная улыбка заиграла на губах, когда он вспомнил вчерашний ужин. Он поклялся себе, что не спустится туда, но в конце концов оказался за столом.

Проклятый скотч.

Как и ожидалось, Сабрина вела себя с Ник как настоящая стерва, и в глубине души Гейб знал, что эта девчонка не будет долго терпеть, прежде чем ответит.

Ее безрассудство могло сравниться в размерах с озером Пончартрейн. Разве он этого не знал? Возможно, сыграло роль и то, что за ужином он постоянно цеплялся к ней. Гейб

даже не был уверен, почему вел себя как засранец. На самом деле он немного лгал себе. Он злился на нее и...

Но Никки точно пролила шампанское неслучайно.

Хриплый смешок сорвался с губ, когда Гейб закрыл глаза. О боже, он все еще слышал испуганный вскрик Сабрины. Можно подумать, служанка ударила ее или что-то подобное.

Чертова Ник. Что за...

На языке вертелось слишком много описывающих ее прилагательных, и почему он лежит в постели, думая о ней? Дерьмо. Подняв руки, мужчина провел ладонями по лицу. Она была последней, о ком стоило беспокоиться.

Между ними все ясно. Он велел ей не приближаться, и, пока сам держался подальше от нее, все было хорошо. Он высказал все, что хотел. Никки его услышала.

Пришла пора вычеркнуть эту главу из своей жизни. Кроме того, у него только-только начинался гораздо более важный период.

Уезжая из Батон Руж, Гейб пообещал Ротшильдам, что не будет появляться три месяца. Будь он проклят, если нарушит слово, хотя ему казалось, что там осталась часть него.

Сложив руки на груди, Гейб подумал, что может встать и сделать что-нибудь полезное. Поехать в свою мастерскую в городе. Там всегда полно работы.

Но сперва он позаботится о своем набухшем члене.

Откинув перекрученные на бедрах простыни, он потянулся вниз, сжав его кулаком. Закрыв глаза, провел вверх-вниз

по всей длине. В его воображении у женщины не было лица, но она оседлала его, и руку заменило то, что находилось у нее между ног. Гейб продолжал фантазировать. Пот выступил на лбу, когда он задвигал рукой быстрее и активнее. Вскоре почувствовал знакомое покалывание в основании позвоночника и напряжение в мошонке.

– Боже, – простонал он.

Его бедра приподнялись, когда он крепче сжал член, и в одно мгновение безликая женщина испарилась, оставив вместо себя каштановые волосы с золотым проблеском и большие карие оленьи глаза, и прежде, чем он сумел остановиться, из обрывков воспоминаний возникло лицо. Крошечный нос. Широкий, выразительный рот. Высокие скулы.

Ник.

Глубокий стон вырвался из груди Гейба. Мощнейшая разрядка пошла вниз по спине, и казалось, что, добравшись до головки члена, она сожжет дотла его нервные окончания. Мужчина упал на постель, его грудь тяжело вздымалась. Когда в последний раз он передергивал *так?*

Будучи, мать его, подростком.

Что ж, он хотя бы дробил на двадцатидвухлетнюю Ник, а не на ее восемнадцатилетнюю версию.

Нет.

Это было ничуть не лучше.

– Дерьмо, – прорычал он, отпуская член и роняя руку на простынь. Сердце несло вскачь. Он уставился в потолок.

Это точно станет проблемой.

* * *

Свежие цветы прибыли во вторник днем, как повелось уже много лет назад. Это была традиция, начатая миссис де Винсент, и мать Никки продолжила ее, лично подбирая поставщиков.

Прислали десять больших одинаковых букетов. Кипенно-белые лилии выделялись в обрамлении белых закрытых бутонов и бронзовых хризантем. Все распределили в вазы из посеребренного стекла.

Никки быстро сделала снимок и отправила его маме, зная, что та очень гордится букетами. Затем она принялась расставлять вазы в нужных местах. Цветы были тяжелыми, но разместить их внизу оказалось просто. Она отнесла по букету в каждую столовую, а еще семь – в разные гостиные на этаже.

Слава богу, только один из них нужно было тащить наверх. От тяжелых букетов у нее уже болели руки. Дев любил, чтобы свежий букет стоял в его кабинете, так что она прошла на заднюю лестницу и принялась подниматься.

От подъема ее ноги начали гореть, она почувствовала себя немного не в форме. Возможно, не стоит есть булочки в таких количествах.

Взяв вазу в одну руку, девушка повернула ручку двери, но

та не поддалась.

– Что за черт?

Никки попробовала снова, но дверь оказалась заперта. Она постояла минуту, как будто дверь могла открыться магическим образом, попробовала еще раз. Ничего.

Застонав, она развернулась и посмотрела на третий лестничный пролет. Она может попробовать ту дверь и попасть на второй этаж через лестницу с внешней стороны. Ее взгляд упал на красивые цветы.

– Фух.

Никки взобралась на третий этаж, и, аллилуйя, эта дверь оказалась открытой. Она вошла на этаж, не сводя глаз с солнечных лучей, струящихся через дверь в конце коридора. Проходя под аркой направо, девушка не оглянулась. Это был путь, ведущий к комнатам Гейба.

Она поспешила по коридору на галерею. Никки шла, уткнувшись взглядом в пол, обхватив вазу обеими руками.

В последний раз она была на этой галерее темной ночью... Пришлось оборвать эти мысли. Гейб сказал свое слово. Никки – свое. Больше нет нужды думать об этом.

Никки достигла верхних ступеней и начала спускаться вниз. Доски пола скрипнули. Там кто-то был? Она развернулась. Девушка почувствовала сильный удар по спине между лопаток. Пошатнувшись, она соскользнула с края ступени. Испуганный вскрик вырвался из груди, когда Никки, не успев бросить вазу и схватиться за перила, кубарем покати-

лась вниз по крутой лестнице.

Глава 6

Гейб открыл двери на галерею, когда услышал раздавшийся в тишине крик. Птицы разлетелись с ближайших деревьев, когда он выскочил на крыльцо. Откуда раздался звук? Слева?

Он сорвался с места, повернув за угол галереи. Не увидел там ничего. Может, ему померещилось? В этом доме все могло быть. Проходя мимо лестницы на третий этаж, мужчина свернул налево, замедлив шаг.

Одна длинная лоза отцепилась от поручней и протянулась через пол, обвив стену дома. Он нахмурился, глядя на нее.

Вот дерьмо!

Разве он не думал еще совсем недавно, что лоза скоро захватит этажи? Буквально вчера. Его взгляд скользнул вниз по ступеням.

И тогда он увидел ее.

– Матерь божья. – Сердце замерло, а потом забилось быстрее обычного. Он кинулся вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступени. – Ник.

Она лежала на лестничной площадке на боку, с огромным букетом в руках.

– Ник! – Она вообще жива? Гейб бросился рядом на колени и потянулся к ней. – Проклятие, Ник, скажи что-нибудь.

– О, – пробормотала она, подтягивая одну ногу к груди.

Слава богу. Его руки замерли прямо над ее бедром.

– Ты в порядке?

– Думаю, да. – Она приподнялась на локте.

Если Никки скатилась с этой лестницы, он не представлял, как она могла быть в порядке. Она пролетела по меньшей мере десять ступеней. Дерьмо. Ее волосы скрывали лицо, и потому он потянулся и притронулся к ней.

Девушка вздрогнула и глубоко вздохнула от его прикосновения к ее щеке.

– Больно? – спросил Гейб, откидывая ее волосы назад.

– Нет.

Его взгляд скользнул по бледному лицу девушки – на нем не было заметно никаких ран.

– Где-нибудь болит?

Никки посмотрела на цветы, покачав головой.

– Все нормально. – С этими словами она глубоко вздохнула, и стало понятно, что ребра у нее не сломаны. – Цветы тоже в порядке.

Что за черт?

– Мне плевать на цветы. Ты в порядке?

Ник с недоверием посмотрела на него своими огромными глазами, будто не ожидала услышать ничего подобного. Теперь забеспокоился Гейб, вспомнив случай, когда Джулия – подружка Люциана – упала в душе и сильно ударилась головой. Она тогда тоже была сильно дезориентирована, как и Ник. Выглядела она неважно.

– Отпусти ты уже эти цветы, – раздраженно сказал он.

– Я не хотела испортить их.

– Ты и не испортила. – Гейб потянулся за ними, и ее хватка тут же стала крепче. Он вскинул бровь. – Можешь отпустить их, Ник. – Девушка еще несколько мгновений держала букет, но в конце концов отпустила. Забрав вазу, мужчина отставил ее в сторону. Постепенно он начал успокаиваться.

– Сесть сможешь?

Никки кивнула, и Гейб аккуратно поддержал ее под руку. Девушка снова дернулась.

– Точно нормально себя чувствуешь?

– Да. – Она выпрямилась, подняла правую руку и тихонько ойкнула – вдоль руки тянулась ярко-красная царапина. – Ой.

– Дай посмотрю.

– Все не так ужасно.

Он проигнорировал последнюю реплику и, придерживая запястье, аккуратно повернул руку. Рубашка Никки порвалась, несколько царапин тянулось от локтя до рукава.

– Не думаю, что понадобятся швы. – Гейб закатал рукав и наклонился ближе. Осматривая ее, он пытался игнорировать, как приятно она пахла. Словно жасмин.

– Но, вероятно, стоит вызвать врача. Чтобы он...

– Я в порядке. Правда, – ответила она, отстраняясь от него. – Не нужно никакого врача.

– Эти лестницы – нешуточное дело. Ты могла повредить

себе что-нибудь и просто пока не осознать этого, Ник. Нужно, чтобы тебя осмотрел врач.

– Головой я не ударилась. – Она отбросила волосы с лица. – Я в порядке.

Он не был так уж уверен в этом.

– Ник...

– Серьезно. Я в порядке. Это просто царапина. Не знаю, как, но я и правда не сильно пострадала.

Разочарование росло.

– Ты катилась через весь лестничный пролет, и у тебя кровь. Неужели так сложно признать это?

– Мне не сложно, – огрызнулась девушка, вырывая руку. – С чего тебя это вообще заботит?

Он отшатнулся.

– С чего меня это заботит?

– Я думала, ты закатаешь вечеринку, если я сверну себе шею.

Гейб удивленно уставился на нее. Потом вспомнил, что сказал ей позавчера, и понял, что не может винить ее за подобные мысли.

– Я не стану радоваться, если с тобой что-то случится. Боже. – Мужчина уперся руками в колени и начал вставать. – По крайней мере, позволь позвать твоего отца...

– Нет. – Никки схватила его за руку, и его взгляд снова метнулся к ней. Она смотрела на него сверху вниз. – Прошу, не говори ничего отцу. Не хочу, чтобы он переживал и рас-

страивался по пустякам.

– По пустякам? Ник, ты могла...

– У него сейчас и так полно тревог. Он не должен переживать попусту еще и из-за этого, – ответила девушка, глядя с мольбой. – Прошу, Гейб. Не говори ничего.

Такая забота об отце тронула его. Потянувшись, Гейб взял ее за руку. Несмотря на то что произошло между ними той ночью четыре года назад, он всегда с трудом мог ей отказать.

– Я ничего не скажу, – пообещал он хрипло, отпуская ее руку. – Но только если ты не пострадала. Пойду поищу, чем обработать раны, а потом посижу с тобой несколько минут, чтобы убедиться, что все в порядке.

Она смотрела так, будто собралась спорить, но через мгновение кивнула.

Боясь оставить ее, Гейб немного колебался, но потом поднялся по ступеням, шагнув на верхний пролет и схватив лозу, за которую она, видимо, зацепилась. Он выдрал ее и перекинул через перила. Затем пошел в свои комнаты, быстро набрал кучу всего и вернулся обратно. Она сидела рядом с вазой на ступеньках. Он вдруг вспомнил маленькую Никки, сидевшую на том же месте в ожидании его возвращения.

Прогнав образ из головы, мужчина обошел ее и сел на ступеньку, на которой покоились ее ноги.

– Дай осматрю руку.

– Я сама могу обо всем позаботиться. – Она потянулась за влажной тканью, которую он принес.

Гейб вскинул брови.

– Дай мне руку, Ник. – Девушка сперва уставилась на него, а потом закатила глаза.

– Как хочешь.

Он скрыл улыбку, когда она все-таки вытянула руку вперед, затем начал осторожно стирать кровь. Взглянул на ее обувь – балетки на тонкой гладкой подошве.

– Стоит носить обувь на более устойчивой подошве, тогда не будешь спотыкаться о лозу и летать по ступеням.

– Я не спотыкалась и не летала со ступеней, – запротестовала она, а Гейб тем временем кинул полотенце на лестничный пролет и потянулся за антисептиком и ватными дисками, которые захватил с собой. Потом смочил диск в растворе.

– А для меня выглядит именно так. Может, ты не заметила лозу, но она лежала там, прямо на верхней ступени. – Из ранки на локте сочилась сукровица. – Тебе очень повезло, – пробормотал он, качая головой. – Все могло кончиться гораздо хуже. Может немного щипать.

– Знаю, что повезло. – Она резко вздохнула, когда он прижал ватку к царапинам. – Но я не спотыкалась и не поскальзывалась. Кто-то толкнул меня.

Его рука замерла, он поймал ее взгляд.

– Что?

– Кто-то толкнул меня. Выглядело все именно так. – Уголки ее рта дрогнули, когда перекись запенилась на коже. – Я

услышала шаги за спиной, а потом почувствовала удар в спину.

Гейб нахмурился, потянувшись за маленьким тюбиком антибактериального крема. Он принес с собой целую аптеку.

– Я пришел, как только услышал твой крик. Наверху никого не было.

– Я никого и не видела, но знаю, что почувствовала. – Дрожь пробежала по телу Ник. – Я не просто поскользнулась. Я не такая неловкая.

– А когда-то ты была именно такой. – Он нежно втирал крем в рану и поднял взгляд, когда услышал, как резко она вздохнула. – Извини.

Ее щеки вспыхнули прелестнейшим образом, и она затрясла головой.

– Не было никакой лозы на ступенях.

– Была. Я только что выдрал и выбросил ее.

– Я не заметила.

Гейб молча закончил наносить крем и взял бинт. Неужели она и правда не споткнулась, а ее толкнули? Одна мысль об этом приводила его в бешенство, но он понятия не имел, кто и зачем мог это сделать.

Сделав перевязку, он аккуратно отпустил ее руку.

– Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится? Не тошнит?

– Нормально, – продолжала настаивать она. – Спасибо, что обработал рану.

– Не за что... – Он услышал звук шагов. И через мгновение на верхней ступени появился Дев, а за ним – Сабрина.

Гейб почувствовал, как Ник напряглась.

Дев пристально смотрел вниз, по его лицу невозможно было угадать его мысли.

– Хочу ли я вообще знать, что тут происходит?

– Ничего. – Гейб окинул взглядом Ник. – Все в порядке.

– А выглядит так, будто не в порядке, – ответил Дев. – Ты ранена, Никки?

– Нет, – ответила она, запрокидывая голову наверх. – Я в порядке.

– Ты упала с лестницы? – Сабрина спросила это так, будто пыталась не рассмеяться.

– Да. – Ник отвела взгляд. – Упала.

– О нет. – Сабрина взяла Деву за руку. – Надеюсь, она не попытается взыскать компенсацию. – Она вздохнула. – Или засудить тебя.

Гейб собрался что-то сказать, но Никки его опередила.

– В отличие от тебя я не настолько рвусь к деньгам, чтобы бросаться ради них с лестницы.

Сабрина прищурилась.

– Отрадно слышать. – Ответ Девлина был сух. – Так ты не упала со ступеней?

Гейб ждал, что она расскажет, как ее толкнули, но услышал, как Ник ответила:

– Я упала, но сберегла цветы.

На следующий день Никки чувствовала себя неважно.

Боже, как ей повезло не разбить голову или чего похуже, а отделаться парой царапин. Будто ангел-хранитель стоял вчера за ее плечом. Девушка все еще не могла поверить, что ее нашел Гейб. И не только нашел, но и оказал помощь, как будто не испытывает к ней ненависти.

Но он ненавидит ее.

Он просто не мог оставить ее в таком положении: мало ли что с ней произошло.

Никки поморщилась, потянувшись за двумя банками куриного супа. Прижав их к груди, подхватила пачку макарон.

«Неужели меня толкнули?»

Этот вопрос преследовал ее с полудня вчерашнего дня. Она точно почувствовала толчок в спину, а не просто потеряла равновесие. Но кто мог толкнуть ее? Гейб сказал, что наверху никого не было, а по полу тянулась лоза. Никки сомневалась, что он стал бы врать. Девушка сама никого не видела и не слышала, чтобы кто-нибудь убегал. Хотя она упала со ступеней с криком, вероятно, поэтому и не слышала никого, но знала, что ее толкнули. Если это был не человек, то оставался только один вариант: ее толкнул призрак. Идея не показалась Никки такой уж нелепой. Она практически выросла в этом доме, никогда ничего не видела, но слышала

странные шаги в пустых коридорах, женский смех там, где не было других женщин, находила предметы не на своих местах.

Дрожь пробежала по спине. Она не была уверена, что хуже: живой человек, решивший ее покалечить, или призрак, захотевший немного поразвлечься.

Как бы там ни было, девушка была благодарна Гейбу за то, что он ничего не сказал ее отцу. Вчера ей удалось скрыть повязку, накинув кардиган, а сегодня на ней была рубашка с рукавами.

Она подумала о машине, которая преследовала ее почти до дверей родительского дома. Снова по телу пробежал холодок. Никакая машина ее не преследовала, и, наверное, она действительно запуталась в лозе. Это выглядело более вероятным, чем версия о том, что ее кто-то толкнул.

Никки покинула кладовую и вернулась на кухню. Когда она подошла к острову, то услышала, как цокают по деревянному полу острые каблуки. Никки поняла, кто это, еще до того, как их обладательница вошла в кухню.

При виде Сабрины она поежилась от раздражения. Женщина выглядела безупречно, как всегда. Ее шикарный боб бросал вызов законам физики, потому что из него не выбивался ни один волосок. На ней были темные брюки, которые, казалось, отталкивали любые ворсинки, и отглаженная, без единой морщинки блузка, заправленная настолько идеально, что Никки удивилась, как такое вообще возможно. Девушка

также невольно задалась вопросом, что вообще гостья делает в кухне. Она сомневалась, что эта женщина отличит кухонную лопатку от вилки.

– Привет, *Никки*, – сказала та, произнося ее имя так, будто это было название нового венерического заболевания. – Хотела убедиться, что ты в курсе, что я ужинаю сегодня с Девлином.

К сожалению, Никки была в курсе.

– Да. Мне сказали сегодня утром.

Взгляд Сабрины метнулся к острову.

– Очень надеюсь, что вот это, чем бы оно ни было, – не наш ужин.

– Запеканка была...

– Меня не волнует, что было в меню, – оборвала ее Сабрина. – Я не стану есть на ужин *запеканку*.

– Тогда, возможно, стоит сделать заказ. – Никки старалась сохранять спокойный тон.

Взгляд Сабрины заледенел.

– Это ты всерьез или просто пытаешься умничать?

– Нет, разморожена только курица. Если вы захотите мясо, я не успею его приготовить...

– Тогда я хотела бы куриную грудку, жаренную в масле с травами, – оборвала Сабрина, и Никки вдруг невольно задалась вопросом, не работала ли та в ресторане. – Это не станет слишком сложной задачей, чересчур неподъемной для твоих ограниченных навыков?

Ограниченных навыков? О боже, что за испытание.

– Я могу приготовить ее для вас. Вы будете салат?

Губы Сабрины искривились в усмешке.

– Это следовало бы предложить с самого начала.

Попытавшись сосчитать про себя до десяти и дойдя лишь до пяти, Никки проглотила ругательство.

– Подать вам салат с куриной грудкой?

– Да, мне хотелось бы салат с куриной грудкой.

Никки кивнула и отвернулась, надеясь, что Сабрина поймет намек.

Та не поняла.

– Как ты себя чувствуешь после падения?

По спине пробежал холодок. Ни единой секунды Никки не верила в искреннюю озабоченность ее здоровьем.

– Хорошо, спасибо.

Блондинка кивнула.

– Рада это слышать. – Никки не сомневалась, что это вранье. – Ужасно было бы в столь юном возрасте получить серьезную травму, последствия которой будут с тобой всю жизнь. – Сабрина улыбнулась. – Значит, увидимся за ужином.

Еще одна ледяная волна прокатилась по коже, когда Никки смотрела вслед уходящей Сабрине. Жуткая мысль пришла ей в голову. А не Сабрина ли толкнула ее? Вчера она оставалась у Девлина, а значит, могла улизнуть и сделать это. Тем более Никки пролила на нее шампанское, хотя это ка-

залось слишком жестокой местью даже для такой мелочной особы.

Но что если это все-таки она?

Глава 7

В следующие два дня Никки видела Гейба только за ужином, и, если не считать его бесконечных просьб принести воды, они не разговаривали. Только в среду он спросил, как рука.

Ее это устраивало. Никки не встречала его в течение дня. Насколько она знала, его даже не было дома, а Девлин походил на одного из призраков. Она видела его лишь мельком, а когда хотела поприветствовать его, мужчина уже исчезал.

Жуть.

Возможно, Девлин следил за ее внешним видом и контролировал перемещения, чтобы она снова не скатилась кубарем со ступенек.

Пока ничего такого не случилось, но, оказавшись на лестницах, Никки на всякий случай оглядывалась по сторонам. Невозможно было отделаться от мысли, что Сабрина могла толкнуть ее, но, сколько бы она ни думала, допустить, что эта стервозная блондинка способна на нечто столь безрассудное, казалась безумием.

Сабрина просто неспособна на такое, хотя бы потому, что побоялась бы испортить маникюр.

Поэтому Никки по-прежнему терялась в догадках, кто или что сделало это. Все годы, проведенные в доме, она лишь несколько раз чувствовала дискомфорт, но теперь девушка

ходила по тихим комнатам и коридорам, ощущая, будто рядом с ней постоянно кто-то есть, прямо за спиной.

В пятницу днем Никки занималась своими обычными обязанностями, убирая в игровой комнате и по совместительству домашнем баре, когда в заднем кармане джинсов завибрировал телефон. Точнее, это были джегинсы, настолько удобные, что она в них практически жила.

Ставя в бар бутылку скотча, Никки вытащила телефон и увидела, что это было сообщение от Розы. Улыбка тронула ее губы, когда она заправляла за ухо прядь волос.

«Выпивка и плохие жизненные выборы стартуют завтра в восемь вечера!»

Розы слыла бунтаркой. Никки познакомилась с ней в первый год обучения в Университете Алабамы. Крошечная рыжая девушка была на несколько лет старше Никки и прошла в колледже *живописный маршрут*, изучая по два года те курсы, на которые у обычных студентов уходил год. И то, что Розы меняла свою специализацию трижды с тех пор, как они с Никки познакомились, делу не помогало.

Наконец они одновременно выпустились, получив степень по философии.

Никки навсегда запомнила момент, когда узнала, сколько на самом деле Розы лет. Ты выглядела на двадцать три и вела себя как ровесница-студентка. У Розы была такая жажда жизни, и Никки терялась в догадках, не оттого ли это, что подруга не обременена карьерой или другими обязательствами

вроде детей и ипотеки.

Никки отправила ответ.

«Не смогу выбраться на эти выходные, но в следующую субботу свободна».

В ответ пришел хмурый смайлик, а затем Роза повторила первое сообщение, изменив дату на следующую субботу. Никки сунула телефон обратно в карман. Ей и вправду не терпелось увидеть Розу. Перед тем как начать работать тут, она провела пару недель дома, и все это время только и делала, что обедала с друзьями детства или работала в местном приюте для животных. Ей нужно было выбраться из дома, и перспектива оторваться вместе с Розой выглядела соблазнительной, потому что обычно вечер субботы Никки проводила с мамой.

Она приезжала домой, когда мама уже спала, измотанная жестким курсом лечения. Так что Никки начала вставать на час раньше, чтобы перед уходом позавтракать с мамой.

Обливаясь потом, поднимая чертовы бутылки и прыгая все время вверх-вниз по стремянке, она поднялась на цыпочки, чтобы поставить на место последнюю, когда услышала в коридоре шаги.

Никки немного расстроилась, повернувшись на стремянке, потому что знала: это не отец. Он уехал по делам. Держась за верхнюю ступеньку стремянки, девушка потянулась, чтобы заглянуть в коридор, но там никого не было.

Волна мурашек прошла по затылку. Она закусила губу и

снова развернулась к полкам. Вероятно, это Девлин крадется где-то там...

Звук стекла, царапнувшего дерево, будто ударил ее в живот, как порыв холодного воздуха. Развернувшись так быстро, что ей лишь чудом удалось не упасть, она посмотрела на дубовую барную стойку цвета вишни.

Вымытые бокалы стояли там, где она их оставила.

Одного не хватало. Она увидела его неподалеку от остальных. Волосы у Никки на затылке встали дыбом.

– Проклятый дом, – прошептала она.

Бокалы были очень тяжелыми. Если бы девушка бросила один кому-нибудь в голову, то вырубил бы его моментально. Они не могли сдвинуться сами по себе.

– Нет. – Она осторожно спустилась со стремянки и помедлила секунду, протянув руку. – Не сегодня, сатана. Отцепись от меня.

Взяв стакан, она быстро убрала его и проделала то же с остальными. Затем вышла из-за барной стойки. Слава богу, она здесь почти закончила: темная, без окон, комната начала пугать ее.

По дороге к двери она увидела скатанную в шарик салфетку под бильярдным столом и, дрожа, направилась туда. То ли ее знобило, то ли в этой комнате было прохладнее, чем в остальном доме? Возможно, так и есть, потому что отсутствовали окна, через которые в комнату могло бы пробиваться солнце. Или тут точно водились призраки.

Никаких других вариантов.

Она тихо радовалась тому, что поблизости не было лестниц. Нагнувшись, девушка подхватила салфетку с пола.

– Ну, здравствуй.

Мужской голос заставил ее вздрогнуть. Она резко выпрямилась, ударившись головой о дно бильярдного стола. Упала назад, приземлившись на задницу, и прижала ладонь к голове.

– Ой!

Низкий смех заставил ее волосы встать дыбом. Что смешного в том, что она едва не получила сотрясение мозга? Или в том, что дом пытается убить ее?

– Я привык к тому, что женщины бросаются на меня, но не к тому, что они вырубаются при моем появлении. Это что-то новое, – сказал странно знакомый голос. – Ты в порядке?

Щурясь от тупой боли, Никки разглядела перед лицом руку. Ее взгляд скользнул выше, к белой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

– Ау! – сказал он, шевеля пальцами.

Она попыталась сосредоточиться на лице говорящего. «Вот дерьмо». Не удивительно, что она узнала голос.

Он принадлежал Паркеру Харрингтону. И Никки ни за что не примет помощь от него.

Она лучше сунет ладонь в пылающий огонь, чем возьмет его руку.

Какого черта он слоняется тут? Обычно ее отец был наче-

ку, следя за тем, чтобы никто из посетителей не мог свободно расхаживать по дому, и Паркер знал это. Он тысячу раз приходил в этот дом, когда Никки была младше, потому что дружил с братьями де Винсент, а теперь ни почти родственники. Тем не менее никто, кроме членов семьи, не мог ходить по этим коридорам без сопровождения. Очевидно, Паркер воспользовался отсутствием ее отца. Отказавшись взять предложенную руку, она сама поднялась, пытаясь игнорировать боль в виске.

– Ты меня напугал.

– Да уж. – Взгляд его бледно-голубых глаз, таких же, как у сестры, опустился к раскрытой ладони. Он чуть нахмурился и опустил руку. – Признаю, я подошел тихо. Увидел тебя и наслаждался зрелищем.

«Фу».

Паркер не только вел себя так же, как в юности, но и почти не изменился, только стал старше. Его светлые волосы были зачесаны назад, что делало образ мужчины хищным. Он всегда так плотно сжимал тонкие губы, что напоминал ей стервятника. Паркер был младше Сабрины, ровесник Люциана.

– Черт, не видел тебя целую вечность, – продолжал он. – Ты только посмотри на себя. – Он разглядывал ее так откровенно, буквально пожирал взглядом. – Совсем взрослая. И так приятно округлилась, Никки.

«Двойное фу».

Девушка отступила, сжимая в руке проклятую салфетку.

– Рада видеть, – ответила она сухо. – Надеюсь, у тебя все в порядке, а мне надо вернуться к работе.

Паркер шагнул в сторону, встав между ней и дверью. Вспыхнуло раздражение, но вместе с ним и легкий приступ паники. Она уже оказывалась в подобной ситуации.

Только этого не хватало под конец рабочей недели. Несносный и, к сожалению, дружелюбный отпрыск семьи Харрингтон.

– Когда Сабрина сказала, что ты теперь работаешь у де Винсентов, я едва поверил в это. – Он улыбнулся, блеснув очень белыми и ровными зубами. – Но вот ты тут.

Она тяжело вздохнула.

– Да, тут. И порядком занята...

– Да ладно, Никки. Мы не виделись целую вечность. – Он опустил тяжелую руку ей на плечо. – Давай вспомним старое.

Никки отошла в сторону.

– Нечего нам вспоминать.

Паркер рассмеялся.

– Это не совсем правда.

Она тяжело вздохнула, расстроенная тем, что он вообще заговорил об этом.

– Это не то, что хотелось бы помнить. Ты был...

– Был кем? Пытался вести себя с тобой мило и дружески, тогда как ты всегда оставалась заносчивой сучкой?

Брови Никки взлетели вверх.

– Это я была заносчивой сучкой? – Он сестру свою видел?

А в зеркало давно смотрелся?

— Да. — Паркер все еще улыбался, но глаза смотрели холодно. В этом они были похожи с Сабриной. — Я помню, как пытался познакомиться с тобой поближе, когда ты ждала, пока освободится эта экономка.

— Эта *экономка* — моя мама, — парировала она. — И, думаю, у нас разные представления о том, что значит «познакомиться поближе».

Определенно разные. Однажды, в ее семнадцать, он зажал ее в углу одним особенно жарким июльским днем. Девлин тусовался дома с друзьями. Она пошла в раздевалку у бассейна переодеться, а Паркер наскочил на нее, когда Никки была завернута лишь в одно полотенце. Вместо того чтобы смутиться и уйти, как любой воспитанный парень, Паркер, наоборот, стал приближаться к ней.

А потом...

Во рту у Никки пересохло.

Паркер напугал ее, и, если бы не Люциан, который заглянул в раздевалку за полотенцем, испугом дело не обошлось бы. Конечно, этот козел обернул все в шутку, сказал, будто не знал, что Никки здесь, и удивлялся, почему Люциан ему не верит. Девушка промолчала, хотя очень хотела сказать многое.

И Паркер знал, почему она повела себя именно так.

— О, я уверен, мы оба понимаем, что значит познакомиться поближе. — Он снова перекрыл ей дорогу, на этот раз сде-

лав шаг навстречу. – В том самом роде, в котором ты хочешь поближе узнать Гейба.

Никки уперлась спиной в бильярдный стол.

– Не понимаю, о чем ты.

– Неужели? – Паркер рассмеялся, склонившись и положив одну руку на стол рядом с ней. Тело девушки напряглось. Гейб сделал то же самое в понедельник на кухне, но это было совсем другое. – Ты текла, как кошка, всякий раз, как появлялся Гейб. Сомневаюсь в том, чтобы что-нибудь изменилось. – У нее чуть не отпала челюсть. Ответ вертелся на языке, но Никки сдержалась. Ха. Очень взрослый поступок, за который она, как ей казалось, заслуживала похвалы. И не важно, правда то, что он сказал, или нет. Отрицать это или спорить с ним значило лишь продлевать разговор.

– У меня работа, Паркер.

– Я знаю. – Он двинул бедрами, положив на стол вторую руку. – А что ты делаешь после?

Никки не поверила своим ушам.

– Ты это серьезно?

– А ты как думаешь?

– Ты меня на свидание приглашаешь?

Паркер опустил голову, снова заставляя ее отстраниться как можно дальше.

– Можешь прийти посмотреть, как я живу. У меня пентхаус в Вудворде. Думаю, тебе понравится.

Несколько секунд Никки не могла даже думать, а затем

громко расхохоталась.

– Ты не приглашаешь меня на ужин, а сразу зовешь посмотреть пентхаус?

– Да. – Улыбка начала сползать с его лица. – С чего бы мне приглашать тебя на ужин?

– О боже. – Она снова расхохоталась, скорее всего, от нервов. Он не мог говорить это всерьез. Его предложение было настолько тупым и непристойным, что она даже не могла оскорбиться.

Кто-то закашлялся.

– Я не мешаю?

О боже.

Никки закрыла рот, а Паркер на мгновение прикрыл глаза. Странная дрожь прошла сквозь него. Оттолкнувшись от стола, он развернулся.

– Привет, Гейб. – Начал он беспечным тоном. – Не знал, что ты дома. Поднялся бы наверх поздороваться.

Никки поймала взгляд Гейба. Он смотрел так, будто находился в шаге от того, чтобы вышвырнуть одного из них или сразу обоих из дома.

– Что ты тут делаешь, Паркер? – недружелюбно поинтересовался Гейб. Гость ухмыльнулся.

– Я собирался повидать Девлина, но потом увидел Никки и просто обязан был поздороваться. Проклятие, я не видел эту девчонку четыре года. С ума сойти.

Глубоко вздохнув, Никки скрестила руки на груди.

– Он как раз уходит, – сказала она.

– Отрадно слышать, – ответил Гейб, освобождая проход. Паркер оглянулся.

– Не забудь о моем предложении. Оно всегда в силе.

Никки не успела ответить, что его пентхаус ей так же интересен, как местные болота. Он уже проходил мимо Гейба.

Паркер кивнул де Винсенту.

– Я найду выход.

Они с Гейбом остались наедине впервые с того момента, как он перевязывал ее руку.

Не попросит ли он у нее воды?

Смех разбирал ее, но, взглянув на то, как внимательно Гейб разглядывает ее, она поняла, что хихикать будет неумно.

О боже.

Отойдя от бильярдного стола, она сказала:

– Мне нужно готовить ужин.

– Что тебе нужно, так это держаться подальше от Паркера Харрингтона.

Никки ушам своим не поверила. Она остановилась и обернулась к Гейбу.

– Я и не планировала околачиваться рядом с ним.

Он пристально посмотрел на нее.

– А мне так не показалось.

– Не знаю, что тебе там показалось, но он пришел сюда, когда я убиралась. Я не искала его общества.

– Мне показалось, что вы двое решили возобновить знакомство.

Голова у Никки готова была взорваться.

– Значит, тебе показалось.

Похоже, он не поверил ей.

– Паркеру от тебя нужно только одно. И это будут не постоянные отношения.

– Да уж, конечно, – ответила она и снова рассмеялась, потому что разговор был нелеп по целому ряду причин. Если бы он знал, кем на самом деле являлся Паркер, у него и предположений таких не возникло бы.

Хотя, опять же, может, Гейбу все равно, учитывая все случившееся. Он пристально посмотрел на нее, сделав шаг навстречу. Она осталась на месте.

– И ты согласна, что тебя трахнут по-быстрому и выбросят? Потому что люди вроде Паркера имеют дело лишь с теми, кто похож на семью Харрингтон. Все остальные для них – мусор.

Несколько секунд прошло, прежде чем Никки хотя бы осознала, что он сказал, а когда поняла, то просто взорвалась. Ей дела не было до того, ненавидит ли ее Гейб, но она не собиралась стоять тут и слушать лекции о Паркере Харрингтоне.

– Прежде всего позволь прояснить. Паркер мне абсолютно неинтересен, повторю тебе это *еще раз*, Гейб. Я выполняла свою работу, когда он пришел сюда. Я его не выношу. По-

верь. – Выражение лица Гейба осталось неизменным. – Второе: не знаю, понимаешь ты это или нет, но когда я встречаю таких людей, как Харрингтон, то думаю и о де Винсентах.

– Мы непохожи, – прорычал он. – И ты хорошо знаешь это.

– Девлин женится на одной из них, – напомнила Никки.

– Это Дев.

Она всплеснула руками.

– Он де Винсент!

Гейб шагнул еще ближе к ней, его голос стал ниже.

– И ты знаешь, что я совсем не похож на Дева.

– Речь не о тебе или Девлине. – От разочарования показывало кожу. Что за черт? – Позволь мне вернуться к теме разговора. Я не заинтересована ни в каких делах с Паркером, но даже если бы и была, это не твое дело, Гейб.

– Да неужели?

– Да. – Она яростно стрельнула в него глазами. – Только это не то, о чем ты подумал. Я не брожу повсюду, кидаясь на парней, так что...

– Ой ли? – сухо ответил он. – А со мной у тебя все именно так и приключилось.

Никки отшатнулась как от удара. Сердце сжалось от обиды и злости.

– Ты считаешь так, потому... – Она судорожно вздохнула, отступив от него. – Ты судишь по тому, что я сделала в восемнадцать? Ты серьезно считаешь, что я кидаясь на пар-

ней?

Мужчина промолчал, но по его лицу пробежала тень сомнения, как будто на мгновение он пожалел о сказанном, но черты его лица тут же разгладились. Она, наверное, сошла с ума, если думает, что ему стало стыдно за свои слова.

Никки покачала головой, в горле стоял ком.

– Последние четыре года я провела, сожалея о той ночи, и думала, что исчерпала эту огромную цистерну сожалений до дна, но ошиблась. Потому что никогда еще не сожалела об этом так, как сейчас.

Тень вернулась.

– Ник...

– Понимаю, ты думаешь обо мне очень плохо. И даже знаю, почему, но мне было восемнадцать, и я совершила ошибку, за которую расплатилась, ты даже не представляешь, как. Я не та же самая девчонка. – Голос ее дрожал. – Но ты этого не знаешь. Ты совсем меня не знаешь!

Глава 8

Как ни стыдно признавать, Никки пришла домой тем вечером и рыдала, будто снова стала той восемнадцатилетней девочкой, которой она, по ее же собственным словам, уже не являлась, и это лишь сильнее раздражало. Почему его в корне неверное предположение ранило так сильно?

Единственный ответ приводил ее в ужас.

Это означало, что где-то в глубине души ей по-прежнему не все равно. Но это просто неприемлемо.

Никки оставила позади свою дурацкую безрассудную влюбленность. Она повторяла себе это все выходные и вернувшись в поместье де Винсентов в следующий понедельник. А когда мысли о Гейбе невзначай прокрадывались в голову, она гнала их прочь, пытаясь сосредоточиться на более важных вещах.

Например, ее живо волновал вопрос, чем заняться после того, как она закончит помогать в особняке.

Как бы высоко Никки ни ценила работу родителей, от жизни она хотела другого. В воскресенье, занимаясь с бедными собачками в приюте, она придирчиво перебирала варианты. Еще не решив, продолжать ли ей обучение и получать степень специалиста или доктора в сфере социальных наук либо сразу же приступить к работе, она точно знала одно: при любых обстоятельствах она хочет оставаться побли-

же к дому.

Страх за здоровье матери говорил, что время, когда родители будут рядом, небесечно. Как ни больно признавать, даже если маме станет лучше... а ей *станет* лучше... годы уже не тянулись перед ней так бесконечно, как раньше.

Так что Никки останется поблизости при любом раскладе.

Поэтому нужно найти тихое, спокойное жилье. Небольших средств, которые она накопила, работая по вечерам в книжном магазине кампуса, надолго не хватит, но она получит деньги от де Винсентов, что вызывало странные чувства. Родители не позволили ей отдать им весь заработок. Она знала, что при текущих обстоятельствах они нуждаются в деньгах, но после долгих споров сошлись на том, что она возьмет половину и отдаст им оставшееся.

И это казалось правильным, потому что никто не смотрел за домом де Винсентов так хорошо, как это делала мама. Девушка была уверена: Девлин думает об этом всякий раз, когда видит ее.

Прежде всего ей требовалось найти жилье. Затем она решит, что делать с карьерой, и, может быть, найдет кого-то, кто... отвлечет ее. Это не очень-то срабатывало в колледже, но Никки решила, что так случилось потому, что она не до конца отдавалась отношениям.

На первом и последнем курсах она встречалась с Кельвином. И даже привозила его однажды домой на Марди Гра, чтобы познакомить с родителями. Он был не самым хоро-

шим парнем, но Никки не особо *вкладывалась* в отношения, и он чувствовал это. В конце концов Кельвин порвал с ней.

Больше такой ерунды не случится.

Она станет ходить на свидания и не будет сравнивать то, что *когда-то* испытывала к Гейбу, с тем, что чувствует к тем мужчинам, которых встретила после.

Больше ничего подобного не повторится.

Она сосредоточится на своей настоящей жизни и на том, что с ней делать, и это не даст упасть в кроличью нору под названием «Гейб». Операция «Избегай Его Любой Ценой», «ИЕЛЦ» для краткости, работала.

В основном потому, что с прошлого четверга он не появлялся на ужинах, и когда бы она ни замечала его в коридорах или ни слышала голос, переходила в режим ниндзя и бросалась в любую ближайшую комнату.

Редко когда ей это удавалось.

И теперь, возможно, не удастся снова, потому что Никки услышала, как он говорит по телефону, как раз в тот момент, когда заканчивала раскладывать в сауне свежие полотенца.

Да.

У них была сауна.

Бросившись к открытой двери, девушка пожалела, что не закрыла ее за собой. Она оглянулась. Можно ли спрятаться в сауне? Ладно, это было чересчур. Никки чувствовала себя как в юности, когда застряла в бассейне в уродливом купальнике, слишком смущенная и неловкая, чтобы хотя бы

пошевелиться.

Что творил с ней этот дом, заставляя чувствовать себя так, будто она гигантским прыжком перемещалась в собственное прошлое?

– Да, я закончу раму к началу следующей недели, – говорил он. Потом повисла пауза, и Никки подумала, не броситься ли к ближайшему окну и не выбраться ли наружу через него.

Гейб рассмеялся.

У нее перехватило дыхание. Она так давно не слышала его смеха. Он был глубоким и заразительным. Заставил ее вспомнить ленивые летние дни, когда она делала какую-нибудь глупость, лишь бы услышать его.

– Плата за транспортировку станет меньше из его забот. – Он приближался.

– Проклятие, – пробормотала Никки, понимая, что окажется в ловушке, если он зайдет сюда.

Через секунду Гейб уже стоял в дверном проеме, и ее сердце замерло в груди, а потом снова пустилось вскачь.

Гейб был без рубашки.

Тревога! Тревога!

Ее мозг кричал, пока ненасытные глаза изучали каждый дюйм его тела. Никки видела его без рубашки и раньше. В этом не было ничего нового, но за годы, проведенные вне дома, воспоминания несколько притупились.

Никки не могла оторваться. Спортивные штаны висели

неприлично низко, демонстрируя заманчивые впадины по обе стороны бедер. На животе выделялись кубики пресса. Тонкая полоска волос спускалась по животу от пупка и исчезала под поясом штанов. Сердце замерло, когда она стала подниматься глазами выше от гладкой кожи пресса к широким плечам. На шее болтались наушники. Волосы были собраны в неаккуратный пучок, который показался ей странно и нелепо привлекательным.

Их взгляды встретились, и улыбка сползла с его лица. Он понял, что она на него пялится.

– Ладно, мне пора.

Похоже, Гейб не стал дожидаться ответа и опустил телефон. У нее перехватило дыхание.

С их разговора прошла почти неделя.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Развешивала свежие полотенца.

– А выглядит так, будто стоишь, застыв как статуя.

Никки не могла понять, дразнит он ее или нет, да и неважно. Мышцы наконец расслабились, и она смогла сдвинуться с места, выбрав кратчайший путь, чтобы поскорее скрыться от него. Для этого требовалось перешагнуть через одну из четырех беговых дорожек. Ее не заботило, насколько глупо это смотрелось. Только не в ту минуту, когда она чувствовала на себе пристальный взгляд.

– Знаешь, можно и по полу ходить, – прокомментировал он.

– Знаю. – Она кивнула и заправила за ухо прядь волос, чувствуя по меньшей мере пять разных степеней неловкости. – Люблю ходить по беговым дорожкам.

– Ага.

Ее щеки вспыхнули, когда она ступила на беговую дорожку. *Просто иди дальше. Просто иди...*

– Ник.

Она замерла. Как будто не контролировала собственного тела. Тишина.

Закусив губу и говоря себе, что, возможно, пожалеет об этом, девушка медленно повернулась к нему.

Каким-то непостижимым образом он стал ближе и смотрел на нее безмятежным взглядом. Она невольно задалась вопросом, поинтересуется ли Гейб, как ее рука. Прошло несколько напряженных мгновений, и он сказал:

– Ты не убирала в моих комнатах на прошлой неделе.

Ой.

Не это она ожидала от него услышать.

– Да, я подумала, ты не хочешь, чтобы я делала это.

Его голова склонилась чуть набок.

– Это твоя работа, не так ли? – Его ледяной тон впечатлил бы даже Девлина. – Почему я не должен хотеть, чтобы ты выполняла ее?

Это твоя работа.

Никки почувствовала обиду, хотя понятия не имела, почему эти слова так ее встревожили. Может быть, потому, что

она знала: с мамой или папой он не стал бы говорить в таком тоне. А может, потому, что это стало болезненным напоминанием о том, кто она ему теперь.

Прислуга, просто наемная работница.

Мерзкое чувство, возникшее ранее, запутанным клубком встало в горле, но она вскинула подбородок. Она больше не собирается рыдать из-за Гейба.

– Я подумала, ты не захочешь, чтобы я появлялась в твоей комнате, – ответила она, сохраняя ровный тон. – Но могу убрать там днем, если хочешь.

Что-то сверкнуло в его глазах, он заиграл желваками.

– Не хочу, чтобы там убирались сегодня.

– Тогда я могу убрать завтра.

– Завтра тоже не подходит.

Она нахмурилась.

– Завтра пятница, когда же еще мне сделать это? Следующая неделя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.